

"Сбежавшая принцесса"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кейтлин Крюс

Сбежавшая принцесса

Пролог

Гарнье не верил в любовь.

Любовь – это безумие.

Люк Гарнье верил в логику и факты. В контракты и неумолимую власть денег. Он всегда был безжалостным и целеустремленным, а в результате преуспел. Он не думал, что в этом какую-то роль сыграло везение. Он добился успеха только потому, что во всем полагался не на чувства, а на здравый смысл. Даже в выборе будущей жены чувства не играли никакой роли.

Лазурное побережье купалось в теплых лучах полуденного солнца, когда Люк шел на Променад-де-Англе. Там находился роскошный отель «Негреско» – величественное здание Викторианской эпохи с видом на мерцающие голубые воды Средиземного моря. То был один из любимых отелей Люка во Франции и одна из достопримечательностей Ниццы, но сегодня у него нашлась более важная причина для того, чтобы туда зайти.

Люк прилетел сюда утром из Парижа, чтобы посмотреть, настолько ли хороша его очередная потенциальная невеста, как утверждает пресса. Впрочем, поначалу они все безупречны. Предыдущая кандидатка тоже слыла отличной партией, но, понаблюдав за леди Эммой в течение нескольких дней, Люк обнаружил, что она имеет тайную склонность проводить вечера в барах с сомнительными типами.

Люк не возражал против того, чтобы у его невесты имелось прошлое. Главное, чтобы в этом прошлом не было людей, способных заинтересовать желтую прессу.

– Современные женщины все такие, – сказал его друг и помощник Алессандро, когда Люк узнал о похождениях Эммы.

Люк сердито посмотрел на него:

– Современные женщины могут быть распущенными, но мне такая жена не нужна. Неужели я слишком многого хочу?

– Да, но, помимо прочего, она должна быть благородного происхождения, соответствовать твоему статусу, иметь безупречную репутацию, а также обладать умом и красотой, – рассмеялся Алессандро, потом покачал головой. – Не думаю, что такая женщина существует.

– Возможно, – согласился Люк, закрывая досье, которое он собрал на Эмму, и с отвращением откладывая его в сторону. – Я не понаслышке знаю – приятная внешность часто служит прикрытием для подлой бесчестной натуры. На красоту нельзя полагаться. Только на безупречную репутацию. – Он улыбнулся Алессандро. – Если такая женщина существует, я ее найду.

– А если эта ходячая добродетель не захочет вы ходить за тебя замуж? Что тогда?

Откинувшись на спинку кресла, Люк рассмеялся.

– Маловероятно. Разве есть что-то, чего я не смогу дать своей жене? Любая женщина получит

выгоду от брака со мной. Я разделю с ней свое богатство и власть.

Алессандро тяжело вздохнул. Несомненно, такой прагматичный подход к браку оскорблял его сентиментальную итальянскую душу.

- Женщины любят романтические сказки, - произнес он. - Они не относятся к браку как к деловому соглашению.

- Подходящая для меня женщина это поймет.

- Боюсь, ты будешь очень долго ее искать, мой друг, - сказал Алессандро, качая головой.

Но Люк никогда не боялся трудностей. Он всего добился благодаря своему упорству. Его знаменитые родители погибли во время крушения яхты, когда ему было двадцать три года, и ему пришлось самому о себе заботиться. По правде говоря, они всегда больше интересовались выяснением отношений друг с другом, чем своим сыном. Он был свидетелем многочисленных сцен ревности, скандалов и истерик, и это помогло ему не попасть в зависимость от потребностей, которые управляли другими мужчинами. Также благодаря этому он добился больших успехов, чем очень гордился. Люк не нуждался в чувствах. Его не интересовала любовь вместе с приступами радости и отчаяния, которые она с собой приносила. Жениться он хотел по более практичным соображениям. В следующем году ему исполнится сорок. Пора создавать семью, производить на свет потомков итальянского королевского рода, к которому принадлежала его мать. Его будущая жена должна непременно происходить из знатной семьи, история которой насчитывает несколько столетий. Это дань традиции и его обязанность перед семьей.

Ему нужна жена, для которой чувство долга превыше всего.

С этой мыслью Люк завернул за угол. Перед ним предстал фасад отеля «Негреско». Войдя в элегантное старинное здание, Люк не стал, подобно любопытному туристу, с восхищением рассматривать роскошный интерьер вестибюля. Он видел его уже много раз и поэтому напрямик направился в Королевский салон с куполом, спроектированным Густавом Эйфелем, и люстрами баккара, сверкающими над собранием известных на весь мир филантропов. Игнорируя бесценные картины, украшающие стены, он долго оглядывал зал, пока не увидел женщину, ради которой сюда пришел, - Габриель, наследную принцессу Миравакки.

Он с удовольствием отметил про себя, что она выделялась из толпы, не привлекая к себе внимания специально. Она не выпячивала грудь, не кокетничала с мужчинами, которые наперебой пытались ее заинтересовать. Она держалась уверенно и элегантно, как и подобает королевской особе.

Девушка была красива. Люк медленно окинул взглядом ее фигуру, отмечая про себя детали. Вечернее платье простого покроя. Волосы, собранные в элегантный узел на затылке. Неброские серьги в ушах и браслет на запястье. Ничего кричащего. Будучи хозяйкой этого приема, устроенного для сбора средств в фонд одной из благотворительных организаций, которым она покровительствовала, Габриель превосходно справлялась со своей ролью.

То, что Люк увидел, ему понравилось. Но он не мог доверять тому, что она демонстрировала перед шестью сотнями гостей. Разве женщина может быть столь безупречной?

Сделав знак проходившему мимо официанту, Люк взял у него бокал с шампанским и направился в дальний конец зала, откуда собирался продолжить наблюдать за Габриель, не рискуя быть замеченным. Она приехала в Ниццу на неделю, чтобы посетить несколько

светских мероприятий. Впрочем, его гораздо больше интересовало то, чем она собиралась здесь заниматься в свободное время.

Он был уверен, что Габриель, как и леди Эмма, в конце концов совершит какую-нибудь ошибку. Но время шло, а принцесса по-прежнему вела себя безупречно. Это вселило в него оптимизм. Возможно, он наконец нашел себе подходящую невесту.

Глава 1

Перед тем как заиграл орган, король Джозеф обратился к своей дочери Габриель:

- Выполни свой долг. Сделай так, чтобы я тобой гордился.

Это были его единственные слова напутствия перед ее свадьбой. Они звучали у нее в голове, когда она шла с ним под руку к алтарю главного собора в ее королевстве. Несмотря на десятифутовый шлейф, Габриель держала спину прямо, а голову высоко, как и подобает королевской особе.

К счастью, ее лицо было скрыто под вуалью, ведь она впервые за свои двадцать пять лет не могла контролировать его выражение и подступающие к глазам слезы.

Ей нельзя плакать. Ведь она дочь короля Мираваккии. Человека, которого она всю свою жизнь пыталась порадовать.

Даже в университете она так хотела получить одобрение отца, что целиком посвятила себя учебе. В то время как ее однокашники ходили на вечеринки и использовали возможности, которые предлагал им Лондон, она штудировала книги в библиотеке. Окончив университет, она, несмотря на диплом экономиста, по воле короля стала заниматься благотворительностью, как и полагалось кронпринцессе Мираваккии.

Сейчас она тоже выполняла отцовскую волю - выходила замуж за человека, которого он для нее выбрал.

Почему она на это пошла? Мираваккия не была отсталым феодальным королевством, а она не была вещью. Но Габриель не знала, как ослушаться отца, не вызвав при этом его гнев. Или, может, она просто любой ценой хотела доказать ему, что достойна называться его дочерью?

- Я получил брачное предложение, - сказал ей король Джозеф однажды утром три месяца назад.

Габриель была удивлена вдвойне. Обычно ее отец завтракал в тишине, просматривая свежую газету, но настаивал на том, чтобы она каждое утро составляла ему компанию. Кроме того, его до сих пор не интересовал повторный брак, хотя после смерти ее матери прошло уже двадцать лет.

- Брачное предложение? - переспросила она.

- Я нашел сочетание королевской крови с огромным состоянием весьма заманчивым, - сказал ее отец. - Несомненно, подобный брак укрепит королевскую власть в Мираваккии.

Он говорил так, словно речь шла о покупке новой машины. Но для Габриель это было очень важно. Неужели у нее действительно появится мачеха? Вот бы во дворце кроме них с отцом поселился кто-то еще! Габриель любила отца и старалась ему угодить, но жить под одной

крышей с ним было нелегко.

- Длинная скучная помолвка ни к чему, - продолжил король, промокнув свои тонкие губы льняной салфеткой и велел прислуге налить ему еще кофе. - У меня не хватает терпения для подобных вещей.

- Правильно, - согласилась Габриель. Ей очень хотелось взглянуть на ту, которая подошла по всем пунктам ее требовательному отцу. Он был невысокого мнения почти обо всех женщинах, которых когда-либо встречал.

- Надеюсь, ты будешь хорошо себя вести, - сказал он, потягивая кофе. - Прошу тебя, только давай без истерик, присущих твоему полу перед свадебной церемонией.

Габриель молчала. Ее отец фыркнул.

- Уверен, ты сможешь надлежащим образом все организовать.

- Конечно, папа, - ответила Габриель.

Она никогда прежде не занималась организацией свадеб, но разве это чем-нибудь отличается от подготовки к государственным праздникам и благотворительным мероприятиям? У нее есть квалифицированный персонал, способный творить чудеса. Кто знает, возможно, благодаря новой жене ее суровый отец станет мягче. Ей бы очень этого хотелось.

Погруженная в свои мысли, Габриель вздрогнула, когда ее отец встал из-за стола и направился к двери, давая ей понять, что тема закрыта. Габриель едва удержалась от смеха. Как это на него похоже. Несмотря на его грубость, ее захлестнула волна нежности. Определенно за внешней суровостью ее отца пряталось что-то романтическое.

- Папа, - окликнула его она.

Остановившись у двери, король обернулся.

- В чем дело? - произнес он, нахмурившись.

- Я знакома с невестой? - спросила она, с трудом удерживаясь от улыбки.

Отец уставился на нее:

- Если ты собираешься управлять страной, Габриель, тебе следует быть повнимательнее. - Его ледяной тон заставил ее содрогнуться. - Невеста это ты.

Затем он развернулся на каблуках и ушел из комнаты, не оглядываясь.

Воспоминания заставили ее сердце учащенно забиться. Сделав глубокий вдох, она мысленно приказала себе успокоиться.

Отец никогда ее не простит, если она запаникует, проявит что-либо, кроме послушания и благодарности.

Вцепившись дрожащими пальцами в рукав его парадного мундира, Габриель прислушалась к ритмичному стuku его шагов, каждый из которых приближал ее встречу с судьбой.

Она не могла думать об этом. Не могла думать о *нем*. Своем без пяти минут муже. Человеке, которого она никогда не видела. Будущем короле ее народа.

С губ девушки сорвался непрошенный стон, который, к ее счастью, утонул в громкой музыке.

Она не могла повернуть назад. Уже слишком поздно.

В огромном соборе яблоку было негде упасть. Среди гостей были представители европейских правящих династий, политические союзники и стратегические партнеры ее отца. Снаружи собрались жители Миравакки, которые отмечали день свадьбы их принцессы как национальный праздник. Пресса утверждала, что народные гулянья продлятся несколько дней. Люди хотели поприветствовать человека, который однажды станет их новым королем.

Люк Гарнье получил Габриель в качестве невесты благодаря договору с ее отцом. Ее согласия никто не спрашивал. Она обо всем узнала, только когда сделка уже была заключена. Чувства дочери нисколько не волновали короля. Он решил, что ей пора выходить замуж, и сам нашел ей жениха.

Габриель никогда не перечила отцу. Она всегда его слушалась и относилась к нему с уважением в надежде, что он когда-нибудь хоть немного ее полюбит.

Но вместо этого он продал ее тому, кто больше всех за нее предложил.

Наблюдая за женщиной, движущейся к нему по длинному церковному проходу, Люк чувствовал себя триумфатором. Стоя у алтаря, он не замечал ни цветных витражей, ни мраморных фигур, смотрящих на него сверху вниз. Все его внимание было приковано к его невесте.

«Наконец-то».

Люк подумал о своей беспечной легкомысленной матери и ее постоянных истериках, и его губы сжались в тонкую линию. Им, в отличие от его эмоционального отца, нельзя манипулировать. Он не потерпит подобного.

Этот союз в первую очередь – деловое соглашение. Невеста должна оправдать его доверие. В отличие от многих людей его круга он не собирался закрывать глаза на измены.

Ему нужно полное подчинение. Он не допустит, чтобы о нем сплетничали.

Люк много лет искал себе идеальную невесту. До леди Эммы он отбраковал множество кандидатур. Он тщательно охранял от посторонних глаз как свой бизнес, так и личную жизнь. Его отказ от компромиссов сперва привел его к одиночеству, но теперь он, кажется, получил то, что хотел. Идеальную невесту.

«Принцесса Габриель станет послушной женой, – думал он, наблюдая за тем, как она спокойно идет под руку с королем к алтарю. – Она согласилась на этот брак, потому что такова отцовская воля, значит, подчинится и мужу».

Люк вспомнил солнечные дни в Ницце, когда он за ней следил. Вспомнил, с каким достоинством она держалась, окруженная толпой поклонников. За свою жизнь принцесса Габриель не была причастна ни к одному скандалу. Она славилась своей скромностью и милосердием. Все упоминания о ней в прессе были связаны только с ее благотворительной

деятельностью. По сравнению с другими представительницами правящих европейских династий, прожигающих жизнь на элитных курортах, она казалась святой, и Люка это устраивало.

Он создал огромную империю именно благодаря своему перфекционизму. Он привык, чтобы у него было все только лучшее, и его жена не должна стать исключением.

Как обычно, Люк все взял под свой контроль. Сначала он велел своим людям навести справки о Габриель. Полученная информация его устроила, но прежде, чем принять окончательное решение, он намеревался увидеть все собственными глазами. Он сам отправился за ней следить, поскольку в таких важных вопросах доверял только собственному мнению. Он никогда бы не обратился с предложением к королю Миравакии, не будь он абсолютно уверен, что принцесса Габриель именно та, кто ему нужен.

Для подписания договоров Люк встречался с королем Джозефом в его роскошном номере в парижском отеле «Бристоль».

- Не хотите с ней встретиться? - спросил отец невесты, когда соглашение было подписано.

- В этом нет необходимости, - ответил Люк, наклонив голову, - но, конечно, если вы настаиваете...

- А я тут при чем? - произнес король, хмыкнув. - Она станет вашей женой, встретитесь вы с ней или нет.

- Вы уверены? - спросил Люк, хотя несколько не сомневался в словах своего будущего тестя. Переговоры не достигли бы этой стадии, не будь король уверен в послушании своей дочери. - Наше соглашение необычно для нынешнего времени. Принцесса и королевство в обмен на богатство и деловые связи. Я думал, такое можно встретить только в исторических книгах.

- Моя дочь была воспитана как будущая королева, - ответил пожилой мужчина. - Я с ранних лет убеждал ее в том, что ее положение требует безукоризненного поведения... - Покрутив в руках бокал с портвейном, король нахмурился. - И огромной ответственности.

- Кажется, она приняла ваши слова близко к сердцу, - сказал Люк, глядя в свой бокал. - Все только и говорят о ее хороших манерах и самообладании.

- Разумеется. Моя дочь уже давно уяснила - долг перед страной важнее личных соображений. Однажды из нее получится отличная королева, но ее должна направлять сильная рука. - Джозеф фыркнул. - У вас с ней не возникнет проблем.

«Вот и славно», - подумал Люк с мрачным удовлетворением.

Король махнул рукой, давая ему понять, что тема закрыта.

- Давайте выпьем за будущее Миравакии, - сказал он.

- За будущее Миравакии, - повторил Люк, чокаясь с ним. Скоро принцесса Габриель станет его женой, и он наконец докажет самому себе и остальному миру, что он не такой лицемер, как его покойные родители.

- И за женщин, которые знают свое место, - добавил король.

Сейчас, когда Габриель приближалась к нему, Люк позволил себе улыбнуться.

Она само совершенство. Он в этом не сомневался. И через несколько минут она будет принадлежать ему.

Подойдя к алтарю, Габриель наконец увидела своего жениха. Люка Гарнье. Она никогда раньше с ним не встречалась, но после того, как отец несколько месяцев назад назвал его имя, успела навести о нем справки. По материнской линии он происходил из старинного итальянского королевского рода. Его отец, французский миллиардер, удвоил свое состояние до того, как ему исполнилось двадцать пять. Пресса интересовалась бурными отношениями его родителей, еще когда Люк был ребенком. Они погибли во время крушения яхты, когда ему было немного за двадцать. Скорее всего, именно по этой причине он и стал таким решительным и уверенным в себе. Она видела безжалостность в его блестящих темных глазах, в чертах его лица.

«Я не могу это сделать».

Но она делала.

У нее не было выбора, но она не могла на все это смотреть и закрыла глаза под кружевной вуалью. Не хотела смотреть на незнакомца, который скоро станет ее мужем, но почувствовала его близость, когда отец подвел ее к нему. Когда ее дрожащие пальцы утонули в большой теплой ладони Люка, ее охватил страх.

Он был таким сильным, таким нестигаемым. Габриель почувствовала исходящую от него опасность, и ее тело стало ватным.

«Это всего лишь очередная паническая атака», – подумала она, сделав глубокий вдох. Затем представила себе сосны и домики с красными крышами, рассыпанные по горной местности, скалистые пляжи, залитые солнечным теплом. Миравакия была независимым островным государством в Адриатическом море, расположенным ближе к Хорватии, чем к Италии, и Габриель любила свою страну.

Ради своего народа и своего отца она сделает все.

«Даже это».

- Открой глаза, – тихо приказал ей Люк, когда морщинистый епископ начал церемонию.

Женщина рядом с ним застыла как статуя. Ее глаза под вуалью были закрыты.

Он чувствовал ее тонкие пальцы в своей ладони. Они были влажными и холодными. При каждом ее вздохе вуаль колыхалась. Взгляд Люка скользнул по плавному изгибу ее шеи. Его невеста была создана из тонких линий и плавных изгибов, и ему захотелось исследовать все их губами.

Его захлестнула волна желания. Она была красива, и он с нетерпением ждал, когда приступит к выполнению супружеских обязанностей.

Затем он осознал, что Габриель вся дрожит. Возможно, она вовсе не так спокойно отнеслась к их браку, как он предполагал.

Он не мог ее винить. Его многие боялись.

- Мы отлично подойдем друг другу, - прошептал он, стараясь придать своему тону уверенность. Этот порыв был для него новым. Ему никогда прежде не хотелось кого-то защитить.

Тогда он, чтобы немного ее подбодрить, сильнее сжал ее руку.

Она была его, и он заботился о том, что ему принадлежало.

Габриель заставила себя открыть глаза, несмотря на то что голос незнакомца - ее мужа - как-то странно ее взволновал. Его рука была слишком горячей. Он стоял слишком близко.

Слава богу, ее лицо по-прежнему скрывала вуаль.

Епископ произнес древние священные слова, и Люк надел на безымянный палец Габриель кольцо. Надевая кольцо ему, принцесса почувствовала контраст между холодным металлом и его горячими пальцами. Она снова услышала его голос, когда он повторил за священником слова брачной клятвы. На этот раз он был громким и уверенным.

Она оказалась не готова к тому моменту, когда он откинул с ее лица вуаль и встретился с ней взглядом. У Габриель пересохло во рту. «От страха», - сказала она себе, но какая-то ее часть воспротивилась этой мысли. Она каждой клеточкой своего тела ощущала его близость. Ее тянуло к нему, хотя он был чужаком.

Ей показалось, что все вокруг перестало существовать. В целом мире остались только они вдвоем. Она почувствовала себя уязвимой перед этим мужчиной. Поняла, почему женщины на нескольких континентах сходили по нему с ума.

Его густые темные волосы доходили до воротничка накрахмаленной белой рубашки. Светло-серый пиджак подчеркивал ширину его плеч и груди. Черты его лица казались высеченными из камня. В уголках его глаз были морщинки, но Габриель не могла себе представить этого человека смеющимся. Он был красив, как бывают красивые горы, суровые и далекие. В приглушенном свете его серые глаза под темными бровями казались почти черными. Губы сжаты в твердую линию.

Он был чужаком, но таким мужественным, что Габриель замерла перед ним, словно жертва перед опасным хищником. И какой-то ее части, о существовании которой она раньше не знала, это понравилось.

Люк подошел ближе, и она почувствовала тонкий аромат его дорогого одеколona, прочитала вызов в его взгляде. Ее сердце учащенно забилося, губы приоткрылись, тело начало наливаться свинцовой тяжестью.

Большая ладонь легла ей на щеку. Габриель едва могла дышать. Ее колени подогнулись, и она подумала: «Как бы не упасть».

Его ладонь обжигала ей кожу. От его прикосновения по ее телу разлился огонь, который, достигнув низа живота, превратился в сладкую боль.

Люк не отвернулся. Напротив, он подошел еще ближе и, приподняв ее подбородок, накрыл ее губы своими.

Это был не просто поцелуй. Это было его заявление о праве обладать ею.

Затем он отстранился и переключил свое внимание на епископа, словно Габриель перестала его интересовать.

Ей хотелось кричать от разочарования. Человек, за которого она выходит замуж, оказался таким же, как ее отец. Она с ужасом осознала, что он будет контролировать каждый ее шаг. Ей придется раздеваться перед мужчиной, рядом с которым она чувствовала себя обнаженной, несмотря на слои белой тафты и кружева. Он потребует от нее наследников.

Ну почему она на это согласилась? Почему не сказала «нет» своему отцу, как поступила бы на ее месте любая здравомыслящая женщина?

Люк взял Габриель за руку, повернулся вместе с ней и повел ее к выходу из собора. Следовавшие за ними молодые служанки несли ее шлейф.

«Я замужем». У Габриель закружилась голова. Когда Люк по-хозяйски положил руку ей на талию, на ее глаза навернулись слезы.

Она совершила ужасную ошибку. Как можно было это допустить?

Глава 2

Габриель боится меня.

- Я тебя напугал? - спросил Люк свою молодую жену после церемонии.

Она приветствовала гостей, обменивалась с ними любезностями, улыбалась им, но затравленный взгляд выдавал ее истинные эмоции.

- Конечно нет, - пробормотала она с улыбкой, после чего переключила внимание на одного из своих кузенов, какого-то барона.

Люк ничего другого и не ожидал от принцессы с безупречными манерами и репутацией. Она была так не похожа на большинство современных королевских особ, включая кузена, чью руку она сейчас пожимала. При мысли об этих людях губы Люка искривились. Подобно его родителям, они жили на виду у желтой прессы, кормя ее скандальными подробностями своих отношений и не задумываясь о том, что это унижало их единственного сына.

- Мои поздравления, - с чувством произнес кузен Габриель, протягивая ему свою мягкую пухлую ладонь.

Пожимая ее, Люк посмотрел на него с отвращением, и улыбка исчезла с лица мужчины.

Много лет назад Люк поклялся себе, что никогда не будет вести пустую бесполезную жизнь. Он также дал себе слово не жениться до тех пор, пока не найдется женщина, предпочитающая такой же уединенный образ жизни, как он. Соблюдающая правила приличия не для вида, а из внутренней необходимости.

- Спасибо, - сказал Люк барону с едва скрываемым презрением, и тот поспешно удалился.

Он почувствовал, как его молодая жена напряглась. Возможно, она вовсе его не боялась, просто держалась настороже. Разве Люк мог ее за это винить, когда перед ним часто дрожали взрослые мужчины? Уж лучше осторожность, чем глупое кокетство.

Он посмотрел на нее. Габриель была настоящей красавицей, как и полагается истинной

принцессе. Ее изумительные сине-зеленые глаза того же цвета, что и воды Адриатики, густые светлые волосы с золотистым оттенком подняты вверх, и к ним прикреплена тиара. Шею и мочки ушей украшают бриллианты. Ее губы, на которых сейчас играет вежливая улыбка, поражают полнотой и чувственностью. Она утонченная, элегантная и, самое главное, целомудренная. В пышном свадебном платье она напоминает конфетку в обертке. С каким же удовольствием он сегодня ночью ее развернет!

Но в соборе Люк увидел в глубине ее глаз слезы, панику и смущение, и у него возникло желание ее защитить. Обычно ему было все равно, уважают его люди или боятся, но почему-то он не хотел вызывать страх у Габриель.

- Пойдем, - сказал он ей, когда они закончили приветствовать гостей. Затем взял жену за руку и вывел на веранду, окружавшую дворец. С нее открывались восхитительные виды на горы и скалистое побережье.

- Но прием... - начала она.

У нее был мелодичный голос. Красивый, как и все остальное в ней. Разговаривая с ним, она смотрела на его руку, которая держала ее за локоть. Обнаружив, что она дрожит от его прикосновения, Люк улыбнулся:

- Думаю, гости нас подождут.

С моря дул теплый бриз. В деревнях звонили колокола в честь их свадьбы. Их будущего, которое Люк так тщательно продумал.

Но его жена по-прежнему не смотрела на него. Подняв подбородок, она уставилась вдаль, словно пыталась увидеть итальянское побережье.

- Посмотри на меня, - мягко произнес он.

Габриель понадобилось некоторое время, но все же она подчинилась. Люка охватило желание. Ему захотелось ее поцеловать, но он решил действовать медленно, чтобы она смогла к нему привыкнуть. Его губы слегка изогнулись в улыбке.

- Вот видишь? Я совсем не страшный.

- Я вышла замуж за абсолютно незнакомого человека, - вежливо произнесла Габриель, хотя взгляд ее оставался настороженным.

- Сегодня я незнакомец, - согласился Люк, - но завтра перестану им быть. Не беспокойся. Я знаю, что переход может быть трудным.

- Трудным, - повторила Габриель и отвернулась. Затем она издала звук, очень похожий на смешок, и провела ладонями по подолу платья. Этот жест говорил о том, что она нервничает. - Подходящее слово.

- Ты меня боишься.

Габриель не ответила. Тогда он положил пальцы ей на подбородок и заставил снова на него посмотреть. Она была на несколько дюймов ниже его, и для этого ей пришлось запрокинуть голову.

Огонь желания у него внутри разгорелся еще сильнее. Эта женщина принадлежала ему. От сверкающей тиары на голове до мысков туфель. Наконец-то.

- Я не знаю тебя настолько хорошо, чтобы бояться, - еле слышно ответила она.

Очевидно, его близость причиняла ей дискомфорт, но Люк не мог заставить себя ее отпустить. Он нежно погладил ее по щеке, затем провел пальцем по мягким полным губам.

Габриель ахнула и резко отстранилась. Ее лицо залила краска.

- Я совсем тебя не знаю, - добавила она дрожащим голосом.

- Ты известна тем, что всегда выполняешь свой долг, не так ли? - спросил Люк.

Ее глаза цвета морской волны расширились.

- Я... я стараюсь уважать волю своего отца.

- А я человек, который выполняет свои обещания. Это все, что ты пока должна обо мне знать. Остальное поймешь со временем.

Его жена сделала шаг назад, и он убрал руку. Она снова отвела взгляд, однако он видел, как трепещет жилка на ее горле. Габриель тоже его желала, только испугалась нового чувства.

«С подобным страхом я справлюсь», - подумал Люк с мужским удовлетворением.

Когда Габриель повернулась и направилась к гостям, бросив на него по пути испуганный взгляд через плечо, он понял, что хочет начать как можно скорее.

Свадебный прием стал для Габриель настоящей пыткой.

Ее кожа будто жила собственной жизнью. Ей хотелось сорвать ее с себя и отбросить в сторону. Она не могла спокойно сидеть и ерзала на стуле, отчаянно пытаясь увеличить расстояние между собой и Люком, сознавая при этом, что гости комментируют каждый ее жест. Ей не следовало вести себя подобно беспокойному ребенку, но у нее не получалось спрятаться от взгляда Люка, как она ни старалась, и с каждой секундой напряжение усиливалось. Казалось, его это забавляло.

- Что заставило тебя на мне жениться? - не выдержала она наконец.

- Прошу прощения?

Ее голос был тихим, но она не сомневалась, что Люк ее услышал. Иначе и быть не могло. Всякий раз, когда она от него отодвигалась, он приближался снова, вторгаясь в пространство. Их плечи и бедра снова соприкасались, и у нее захватывало дух.

- Почему именно сейчас? - спросила она, чтобы нарушить напряженное молчание, которое приводило ее в панику.

Прежде с ней такого не случалось. Она всегда гордилась своим благоразумием, но сложившаяся ситуация заставляла ее терять над собой контроль. «Это нормальная реакция», - сказала она себе. Выходить замуж за совершенно незнакомого человека, словно она трофей, захваченный в средневековой войне, - вот что ненормально. Любая женщина на ее месте была

бы сама не своя.

Замужем. Замужем. Замужем. Слово повторялось у нее в голове как безжалостный приговор.

- Я искал тебя, - произнес он глубоким уверенным голосом, от которого у нее по спине побежали мурашки. - Идеальную невесту. Ни одна другая мне не подошла.

Габриель мельком посмотрела на него, затем отвернулась.

- Ну разумеется, - холодно сказала она. - Зачем знакомиться с невестой, когда можно сразу жениться?

На этот раз она не позволила себе отвернуться, и его взгляд пронзил ее насквозь. Ее сердце пропустило удар, а потом бешено заколотилось. Она сделала глубокий вдох и приказала себе успокоиться.

- Я приверженец традиций, - ответил Люк Гарнье, подняв темную бровь. - Приняв решение, я немедленно привожу его в действие.

В его голосе слышалось предупреждение, и Габриель сглотнула.

- Понятно. Тебе настала пора жениться, а я просто вовремя подвернулась. - Она была как чистокровная лошадь или собака. Он выбрал ее, потому что его устроила ее родословная. Интересно, скольких принцесс он отбраковал, прежде чем остановить свой выбор на ней? Чтобы не дать выход своему возмущению, Габриель взяла свой бокал и отпила немного шампанского, после чего продолжила: - Был ли у тебя список определенных требований к потенциальной невесте? - Ее бы это нисколько не удивило. Мужчины вроде Люка и ее отца думают только о собственной выгоде. На чувства других людей им наплевать.

Еще немного, и она сойдет с ума.

- Габриель.

От неожиданности она замерла, и ее пальцы крепче сжали ножку бокала. Ее имя, произнесенное его глубоким бархатным голосом, отозвалось внутри нее прекрасной музыкой.

Ей была непонятна эта реакция. Люк даже не удосужился с ней встретиться перед свадьбой, но стоило ему назвать ее по имени, и она уже готова ему служить, как верная собака.

- Прости, - отрывисто произнесла Габриель, поставив бокал рядом со своей тарелкой, на которой лежала горка нетронутой еды. - Наверное, я переволновалась и теперь сама не знаю, что говорю.

- Возможно, тебе следует поесть, - предположил он, кивком указав ей на тарелку. - Тебе понадобятся силы.

Габриель посмотрела ему в глаза, затем отвернулась. Нет, он не мог иметь в виду то, о чем она подумала. Или... Неужели он ожидает...

- Ты выглядишь так, словно вот-вот расплачешься, - произнес Люк, наклонившись к ней. Исходящее от него тепло обожгло ее через тонкую ткань платья, и она едва удержалась от того, чтобы не отстраниться. - Гости могут подумать, ты жалеешь о том, что вышла за меня замуж. - Его губы слегка изогнулись в сардонической усмешке.

Габриель заставила себя улыбнуться, чтобы ни у кого не возникло сомнений на этот счет.

- Боже упаси, - пробормотала она.

- Поешь, - произнес он тоном, не терпящим возражений, и Габриель обнаружила, что ее рука тянется за вилкой. Ее тело подчинялось этому мужчине, несмотря на то что разум отчаянно сопротивлялся, А если бы она отказалась есть? Он стал бы кормить ее насильно?

Габриель прогнала эту мысль. Съев кусочек жаренной на гриле рыбы, она попыталась себе представить Люка вечером после работы или утром в выходные. Это ей не удалось. Она увидела только его сверкающие темные глаза, его сильные руки, скользящие по ее телу.

Это было слишком.

- Прошу прощения, - тихо сказала она ему с вежливой улыбкой. - Я сейчас вернусь.

- Конечно. - Люк поднялся вместе с ней и отодвинул назад ее стул, затем позвал одну из служанок, чтобы та расправила пышный подол платья Габриель.

Он вел себя как настоящий джентльмен. Если бы она не видела похотливый блеск в его темных глазах, возможно, она бы сама в это поверила.

Глава 3

Король Джозеф произносил торжественную речь, но Люк почти не слушал своего тестя. В данный момент его больше интересовала молодая жена, чем высокопарные фразы о будущем Миравакии и банальные шутки, над которыми гости смеялись только из вежливости.

Габриель не смеялась вместе с остальными. На ее щеках горел румянец. Вернувшись из дамской комнаты, она отодвинула свой стул подальше от него, но все равно была как на иголках. Ему больше нравилось, когда она бросала ему вызов.

- А как насчет тебя? - спросил он, вернувшись к их неоконченному разговору, словно она никуда от него не убегала.

Габриель осторожно посмотрела на него своими глазами цвета морской волны. Она была напряжена и, похоже, из-за своей невинности даже не догадывалась, что причиной тому вожделение. Учитывая ее возраст и то, в какое время она жила, это казалось невозможным. Но Люк привык добиваться невозможного.

- Меня? - переспросила она.

- Почему ты решила выйти замуж именно сейчас? - пояснил Люк. Он снова обнаружил, что пытается ее приободрить, и удивился. Он перестал флиртовать с женщинами еще в подростковом возрасте. Ему это было не нужно. Как бы он себя с ними ни вел, они обожали его и соперничали друг с другом за его внимание. Но ни одна из них ничего для него не значила, в отличие от Габриель. Ради нее он будет очаровательным. Такая совершенная женщина заслуживает особого отношения.

- Решила? - снова повторила она за ним, натянуто улыбувшись. - Мой отец потребовал, чтобы я выполнила свой долг, и я это сделала.

Люк внимательно посмотрел на нее:

- Тебе двадцать пять. Другие девушки твоего возраста живут в квартирах вместе со своими университетскими друзьями. Они предпочитают ночную жизнь и мимолетные романы разговорам о браке и долге.

- Я не другие девушки, - ответила Габриель.

Люк был очарован. На ее шее пульсировала жилка, пальцы вцепились в подол платья. Других признаков волнения он не заметил.

- Моя мать умерла от рака, когда я была маленькой, и меня воспитывали как хозяйку дома. Будущую королеву. У меня много обязанностей.

Произнося эти слова, она смотрела на своего отца.

Король тем временем закончил свою речь и сел на место, так и не сказав ни одного теплого слова в адрес дочери. Габриель это явно беспокоило, хотя она сохраняла самообладание. Вот только печаль в глубине глаз выдавала ее.

Люк ненавидел открытое проявление чувств. Он презирал тех, кто считал эмоциональность главной причиной всех своих неудач. Такое ощущение, что у этих людей отсутствовали воля и разум.

Габриель сегодня неоднократно проявляла эмоции, но не шла у них на поводу. Она никому не навязывала своих чувств, не устраивала сцен. Напротив, она вела себя как будущая королева. Егокоролева.

Люк напомнил себе, что чувствительность Габриель стала одной из причин, по которой он выбрал ее себе в жены. Его жена занималась благотворительностью, и он это одобрял и уважал. Главное, чтобы ее эмоции не брали верх над разумом.

- Уверен, твой отец тобой гордится, - поддержал ее он. - Ты главный бриллиант в его короне.

Габриель повернула голову и серьезно посмотрела на него:

- Любой, даже самый дорогой бриллиант имеет свою цену.

- Ты бесценна, - сказал Люк, чтобы закрыть эту тему. Разве женщины не любят подобные комплименты? Впрочем, он никогда прежде не говорил женщинам комплиментов.

Вот только мой отец так не считает.

- Это неправда, - попытался успокоить ее он.

- Ну конечно, я редкий бриллиант, не имеющий цены. - Габриель отвернулась. - И все же цена установлена, договор подписан, и вот мы здесь.

В ее словах слышалась горечь. Люк нахмурился. Ему не следовало ее хвалить. Он пожалел о своем внезапном порыве. Такое случается, когда человек теряет контроль над своими эмоциями. Неужели она так глупа? Как еще, по ее мнению, выходили замуж наследные принцессы?

- А чего вы ожидали, ваше высочество? - спросил он, наклоняясь к ней. Ее глаза расширились, и ему это понравилось. - Габриель, ты сама сказала, что отличаешься от других девушек. Неужели ты ожидала найти себе мужа через Интернет? Как ты себе это представляла?

Она резко выпрямилась:

- Я... конечно нет.

- Возможно, ты думала, что тебе следовало отказаться на год от выполнения своих обязанностей, - произнес он низким хриловатым голосом. - Отдохнуть от себя настоящей, как делает большинство молодых королевских особ на радость желтой прессе. Ты могла бы путешествовать по миру в компании друзей с сомнительной репутацией. Употреблять наркотики в каком-нибудь ночном клубе в Берлине. Заниматься сексом с незнакомым парнем на аргентинском пляже. Ты думала, что таким образом сможешь лучше послужить своей стране?

Ее предыдущий эмоциональный порыв был ничто по сравнению с новым. Она побледнела, потом ее щеки залила краска, глаза засверкали. И все же она не дала выход своим чувствам.

- Я никогда не делала ничего подобного, - произнесла она холодным, сдержанным тоном. - Я всегда в первую очередь думала о Миравакии!

- Не говори со мной о договорах и ценах, - приказал ей Люк. - Ты оскорбляешь нас обоих.

Она встретила с ним взглядом, и он увидел в ее глазах гнев. Это одновременно возмутило и заинтриговало его, но он решил положить конец разговору. В их браке не будет места возмущению, горечи и интригам. Только его воля и ее подчинение.

Люк вспомнил, где они находятся, только когда заиграл оркестр. Он откинулся на спинку стула. «Она не просто выгодное приобретение, - сказал он себе, вновь борясь с желанием ее защитить. - Она не отель и не компания».

Она его жена, и ему следует быть с ней помягче. По крайней мере, сегодня.

- Давай оставим этот разговор, - сказал он, поднимаясь. Габриель настороженно посмотрела на него. Тогда он улыбнулся и протянул ей руку. Он мог быть очаровательным, если хотел. - Думаю, мне пора потанцевать с моей женой.

У него была потрясающая улыбка. Она осветила его черты, сделала их мягче. Габриель осознала, что Люк очень привлекательный мужчина. И опасный.

Опасный для нее. Потому что она была перед ним беззащитна. Он протянул ей руку, и она вложила в нее свою. Без размышлений и прекословия. Как будто последние два часа не старалась всячески избежать его прикосновений. Похоже, она спятила.

Но разве могла она его послушаться? Интересно, хоть один здравомыслящий человек посмел ему не подчиниться? Если да, то чем он за это поплатился?

Его рука была сильной и твердой, и ей ничего не оставалось, кроме как пойти с ним. Лица гостей стали неотчетливыми, словно мерцающие свечи. Габриель вдруг подумала: что будет, если она попытается вырваться? Люк потащит ее за собой, как на буксире, или ее тело откажется подчиняться ее воле и само последует за ним? В любом случае здесь не самое подходящее место для подобных экспериментов.

Люк не был плейбоем, в отличие от большинства молодых людей, которые за ней ухаживали. Он не флиртовал с ней, не пытался ее обольстить. Зачем ему это делать, если он мог просто потребовать у нее все, что ему нужно? Или взять силой?

Он прошел с ней в центр танцпола. Платье Габриель было таким тяжелым, что она с трудом переставляла ноги. Положив руку ей сзади на талию, Люк притянул ее к себе.

Сидя рядом с ним за столом, она чуть не сошла с ума, но настоящая пытка началась сейчас, когда он мастерски закружил ее по залу в ритме вальса. Под пристальным взглядом его серых глаз она чувствовала себя пойманной в ловушку. Его губы были всего в нескольких дюймах от ее губ. Ее грудь набухла, и ей стало тесно в плотном парчовом корсаже. Ей казалось, она сделана из хрупкого стекла и может в любую секунду разбиться на осколки.

- Меня всегда интересовало, о чем разговаривают пары, когда танцуют на свадьбах, - произнесла Габриель, чтобы ослабить напряжение, затем нервно рассмеялась. - Но полагаю, мы не похожи на большинство других пар.

- Ты опять забываешься, - небрежно ответил Люк. - Неужели ты думаешь, что все эти аристократы, которые нас сейчас окружают, страстно влюблены в своих супругов, выбранных по политическим соображениям?

Как он смеет разговаривать с ней таким снисходительным тоном? Как она вообще могла выйти замуж за этого напыщенного грубияна?

- Я никогда об этом не думала, - отрезала она. - У меня не было достаточно времени, чтобы привыкнуть к собственному политически выгодному браку, не говоря уже о том, чтобы критиковать другие.

Выражение его лица не изменилось, хотя его рука крепче обхватила ее талию. Габриель вдруг поняла, что не хочет слышать его ответ на ее слова.

- Ты уже был женат? - поспешно спросила она, чтобы его отвлечь.

- Никогда. - Его брови изогнулись, придав его лицу надменное выражение.

Габриель нервно сглотнула.

- Наверное, у тебя были долгосрочные отношения, - продолжила она. - Тебе ведь около сорока, не так ли?

- Это свидание вслепую, Габриель? - произнес он низким голосом, в котором слышалось предупреждение. - Ты хочешь понять, какой у меня характер, задавая мне скучные вопросы?

- Я пытаюсь лучше тебя узнать, - ответила она, вызывая вздернув подбородок. - Думаю, в сложившихся обстоятельствах это вполне разумно. О чем еще мы с тобой должны разговаривать? О погоде?

- У тебя впереди целая жизнь, чтобы меня узнать. - Он небрежно пожал плечами. - Или ты думаешь, что, когда узнаешь, какой кофе я предпочитаю, тебе будет спокойнее? Конечный результат один и тот же. Я твой муж.

Этот человек невыносим. Своим язвительным тоном он пробудил бунтарский дух, который она подавляла в себе всю свою жизнь.

- Думаю, ты боишься, - дерзко заявила Габриель. - Зачем так бурно реагировать на безобидные вопросы?

Она ожидала, что Люк скажет ей что-нибудь резкое, пронзит ее гневным взглядом, но вместо этого он неожиданно запрокинул голову и расхохотался. Его смех был громким, непринужденным. Искренним. В уголках его серых глаз залегли морщинки, на одной худой щеке появилась ямочка. Он был неотразим.

Внезапно у Габриель возникло ощущение, словно она стоит на краю огромной пропасти и земля у нее под ногами проседает. Напряжение между ними начало нарастать, и она испугалась. Когда Люк, посерьезнев, снова на нее посмотрел, она почувствовала, что внутри у нее что-то перевернулось.

«Нервы, – сказала она себе. – Это просто нервы и шампанское на голодный желудок».

Глава 4

Стоя в одиночестве в своей роскошной гардеробной, Габриель смотрела на свое отражение в зеркале и ругала себя за идиотские мысли. Причиной ее затрудненного дыхания и головокружений, несомненно, были тесный корсаж платья и события дня, а вовсе не Люк Гарнье. Он не имеет никакой власти над ее телом.

Более-менее убедив себя в этом, девушка начала снимать тяжелые серьги с жемчугом и бриллиантами, когда дверь у нее за спиной отворилась. В комнату вошел Люк.

Габриель замерла.

Собор и банкетный зал не подготовили ее к этому ощущению: ее гардеробная по сравнению с ними была крошечной, и высокая широкоплечая фигура Люка, казалось, заполнила собой все ее пространство.

Не в состоянии пошевелиться, Габриель уставилась на его отражение. Взгляд Люка скользнул по ее спине, затем встретился с ее взглядом в зеркале.

– Я... – начала она, не зная, что сказать. Сняв серьги, она положила их на туалетный столик и повернулась, чтобы посмотреть на Люка. Он стоял у двери, и все же она чувствовала его близость, словно находилась в его объятиях. – Я не могу...

Она не договорила. Сексуальное желание повисло в воздухе подобно густому туману. Глаза Люка стали почти черными. Он смотрел на нее так, словно она принадлежала ему душой и телом. В ее голове пронеслась вереница образов. Во всех них руки и губы Люка касались ее тела.

Это было невыносимо.

– Ты ведь не собираешься?..

Габриель думала, что расплчется, но тут Люк сдвинулся с места, и она забыла обо всем. Он шел к ней подобно опасному неукротимому хищнику. Его глаза неистово заблестели, и она вдруг осознала: он ее желает.

– Что ты делаешь? – пролепетала она, запрокинув голову, когда он подошел к ней вплотную.

Мысли лихорадочно сменяли одна другую: Люк говорил, он уважает традиции, но вот насколько? Определенно он не может ожидать, что она ляжет в постель с человеком, с которым познакомилась всего несколько часов назад...

Или может?

Ее муж молчал. Его взгляд был прикован к ней. Затем он положил руки ей на талию, и Габриель снова оказалась в его объятиях. Только на этот раз рядом с ними никого не было. Ее набухшая грудь прижалась к его груди, и Габриель застонала.

- Сегодня ночью я не стану требовать от тебя выполнения супружеских обязанностей, если ты этого боишься, - произнес он. Его теплое дыхание щекотало ее лицо.

- Я... спасибо... - пробормотала Габриель и тут же разозлилась на себя. Словно это зависит только от *него!* Словно *ее* не существует!

- Со временем мы с тобой привыкнем друг к другу. - Его губы были слишком близко, и она испытывала одновременно наслаждение и страх. - Но нашу брачную ночь все же следует отметить, не так ли?

- Я не...

В следующую секунду он поцеловал ее. Его губы легонько коснулись ее губ, после чего принялись исследовать ее щеку, ухо, висок. Ее губы приоткрылись, по спине пробежала дрожь.

Какая-то ее часть потянулась к нему, несмотря на то что все остальное в ней воспротивилось такой открытой демонстрации его власти. Возмущенная, Габриель уперлась ладонями в его плечи, но это было все равно что биться о каменную стену.

Неожиданно Люк отстранился. На его лице она увидела удовлетворение.

- Ты моя, - сказал он, убирая ей за ухо выбившуюся из прически прядь волос. Его нежный жест так не соответствовал его словам и выражению лица. - Переоденься во что-нибудь практичное, Габриель. Остаток дня мы проведем в другой части острова. Встречаемся у входа в банкетный зал.

Он развернулся и покинул комнату, а Габриель еще долго смотрела ему вслед. Постепенно ее пульс пришел в норму и руки перестали дрожать. Она вдруг осознала, что причины всех ее страданий кроются в ее слабости.

Именно из-за своей слабости она стала женой Люка Гарнье. Отец не заставлял ее выходить за него замуж. Он просто сообщил ей о своих намерениях, а она в очередной раз решила попытаться произвести на него впечатление своим послушанием. В результате она добилась лишь того, что он совсем перестал брать в расчет ее чувства.

Габриель судорожно вздохнула. В душе она понимала, что, подчиняясь Люку, разрушит саму себя.

Она никогда не пыталась отстаивать свое мнение. Всю свою жизнь она позволяла отцу командовать собой. Неужели она позволит делать то же самое своему мужу? На мгновение она представила себе, что ее ждет. Она полностью растворится в своем муже и перестанет существовать как личность. Люк Гарнье, несомненно, потребует от нее полного подчинения.

Габриель окинула взглядом комнату, словно никогда не видела ее раньше. Возможно, она до сих пор просто не осознавала, что это тюремная камера.

И что ей давно пора вырваться на свободу.

Тело Люка умоляло его вернуться в гардеробную его жены и завершить начатое.

Он возбудился. Его сердце бешено колотилось, и ему стоило невероятных усилий убрать руки с ее нежной кожи. Ее вкус опьянил его.

Он остановился посреди коридора. Ему хотелось заняться любовью со своей женой и доставлять ей удовольствие до тех пор, пока они не заснут от усталости. А ведь он был абсолютно уверен, что его самообладанию ничто не угрожает.

Люка Гарнье было нелегко удивить. Он предполагал, что Габриель может вызвать у него желание, но никак не ожидал, что оно потрясет его до глубины его мужского естества.

Возможно, это своеобразное подтверждение правильности его выбора. Тот факт, что лишь немногие мужчины в похожей ситуации хотели своих жен, ничего не значил. Он всегда отличался от других мужчин.

В конце концов он заставил себя уйти подальше от ее двери.

У них вся жизнь впереди для того, чтобы наслаждаться супружескими отношениями. На одну ночь он может оставить ее в покое. Дать ей время осознать, что она теперь замужняя женщина.

При мысли о своем великодушном поведении Люк скривил губы. Подобное было для него в новинку. Прежде он никогда не шел против своих интересов.

«Но ведь это всего на одну ночь», – напомнил он себе.

Утром он продолжит приучать ее к себе.

«Все оказалось так просто», – с восхищением подумала Габриель почти неделю спустя, глядя на бескрайнее море ночных огней. Отсюда, с Голливуд-Хиллс, открывался изумительный вид на Лос-Анджелес.

Она никак не могла понять, почему так долго ждала, чтобы сделать что-то, чего хотелось ей самой, а не другим.

Быстро переодевшись, она покинула дворец, добралась до пристани и села на паром. Утром она уже была в Италии. Остановившись на одну ночь в отеле в Риме, она позвонила своей старой университетской подруге. Кассандра, с которой они не виделись целую вечность, извинилась за то, что не сможет встретиться с ней в Калифорнии, поскольку находилась на съемках в Ванкувере. Она предложила Габриель пожить в ее доме. Утром Габриель добралась на самолете до Лондона, а там пересела на рейс до Лос-Анджелеса.

Смелый поступок для послушной принцессы, которая за всю свою сознательную жизнь не посмела и пальцем пошевелить в знак протеста.

Сейчас Габриель стояла босиком на деревянном настиле за домом Кассандры и потягивала белое вино. Она любила Калифорнию с ее холмами, пахнущими розмарином, кипарисами и эвкалиптами. Ей нравились завывания койотов в ночи и теплое солнце днем. Дома с красными крышами, которые напоминали ей о ее родине.

Габриель чувствовала себя настоящей американкой. Кассандра настояла на том, чтобы она

воспользовалась ее одеждой. Сейчас на принцессе были голубые джинсы и шелковый топ. Волосы она оставила распущенными и теперь наслаждалась тем, как их треплет легкий бриз. Наслаждалась свободой. Сейчас она была так не похожа на принцессу, привыкшую носить костюмы от Шанель в пастельных тонах и собирать волосы в гладкий французский узел.

В гардеробе Габриель не было ни одной пары джинсов. Ее отец считал их «одеждой для простолюдинов», и из уважения к нему она их не носила после окончания университета. Ей нравилось, как они сейчас облевали ее бедра и ягодицы. В них она чувствовала себе настоящей бунтаркой.

По ее телу вдруг пробежала дрожь отчаяния. Как она могла полностью потерять контроль над собственной жизнью? Она передала ее сначала своему отцу, затем мужу, которого совсем не знала.

Когда раздался звонок в дверь, Габриель улыбнулась. Наверное, это экономка Ума вернулась с продуктами. Она не позволила гостье самой поехать за покупками, и Габриель была ей очень благодарна.

Девушка побежала к входной двери. Темный деревянный пол приятно поскрипывал под ее ногами.

- Ты меня спа... - начала она, открывая дверь, и тут же осеклась.

На пороге стоял Люк.

Глава 5

Габриель бросило в жар. Люк. Ее муж.

Если бы она могла пошевелиться, то повернулась бы и убежала прямо босиком в горы. Но под его яростным взглядом ее словно парализовало. Он выглядел не менее внушительно в свитере и темных брюках, чем в свадебном костюме. Исходившая от него опасная сила на этот раз была почти осязаемой.

Неделю назад Габриель его испугалась, но сейчас поняла, что Люк Гарнье, с которым она познакомилась в день свадьбы, был само очарование по сравнению с тем, который стоял перед ней сейчас.

- Привет, Габриель, - произнес он насмешливым тоном, от которого ее передернуло. - Похоже, тебе так не терпелось сбежать, что ты кое-что забыла, - добавил он, угрожающе нависая над ней.

- Что я з-забыла? - пробормотала она.

Его губы дернулись.

- Своего мужа.

Бокал выпал из ее дрожащей руки и разбился о пол. Переступив через осколки и лужицу вина, Люк вошел в дом.

Как она смела так на него смотреть? Она унизила его в день свадьбы, сбежав от него, на другой конец земного шара. Как он мог так в ней ошибаться?

Если бы кто-то из его подчиненных совершил подобную оплошность, он бы уволил его и поставил крест на его карьере. Неужели он верил только в то, во что хотел верить? Неужели поддался на женское обаяние, как и большинство мужчин?

Люк сдержал свой гнев и разочарование. Он собирался контролировать свои эмоции. Он не станет опускаться до ее уровня, хотя ему никогда еще не было так трудно сохранять спокойствие.

Он медленно окинул взглядом свою упрямую принцессу. Она оказалась не совершенством, а фальшивкой. И назад уже дороги не было: они женаты.

Сейчас она нисколько не походила на ту скромную послушную девушку, которую он выбрал из десятков претенденток. Той Габриель словно больше не существовало. Нет, ее *никогда* существовало! Сейчас перед ним стояла абсолютно другая женщина. Ее светлые волосы разметались по плечам. От нее пахло чем-то сладким. Этот запах напоминал аромат жасмина, доносившийся с холмов. Когда он переступил через порог, она отстранилась от него как от прокаженного.

Ее ступни были босыми. Узкие голубые джинсы обтягивали ее длинные стройные ноги. Люк представил себе, как эти ноги обвиваются вокруг него, и его пронзила боль желания. Он хотел Габриель.

И ненавидел себя за это. Ведь она сделала из него дурака. Ей удалось обвести его вокруг пальца. Его, человека, который всегда считал себя защищенным от подобных обманов. Ему не следовало верить ее испуганным глазам, ее дрожащим губам. Ее добродетель была ложной. Как и все разговоры о ее девственности. Люку прямо сейчас следовало потребовать от нее то, на что он имел право. К черту ее чувства!

К черту странное желание ее защитить! Он больше никогда не поддастся этому порыву.

- Что ты здесь делаешь? - спросила Габриель, нарушив напряженное молчание.

Она попятилась в гостиную, затем обошла диван, словно пытаясь создать между ними барьер. Как будто она нуждалась в каких-то барьерах!

При других обстоятельствах это могло бы показаться ему забавным, но разве он мог веселиться, когда ее побег породил массу сплетен и домыслов? Ему следовало ее возненавидеть.

Остановившись в центре комнаты, Люк сложил руки на груди, чтобы не сделать чего-то, о чем потом придется жалеть.

- Что я здесь делаю? - Он невесело улыбнулся. - Я ведь не мог допустить, чтобы моя невеста проводила наш медовый месяц в одиночестве, не так ли?

- Медовый месяц? - Она покачала головой. - Я не понимаю.

- А что, по-твоему, я должен был им всем сказать, Габриель? - мягко спросил Люк. - Ты не задумывалась над этим? О чем ты вообще думала, оставляя меня одного в разгар празднования нашей свадьбы?

- Мне очень жаль, - произнесла его жена безжизненным тоном.

При этом она всплеснула руками, и ее грудь качнулась под топом, что, разумеется, не укрылось от его взгляда. Он подозревала, что она сделала это нарочно, чтобы сбить его с толку.

И он клюнул на этот жест, чего она и добивалась. Он, человек, который никогда не терял над собой контроль из-за женщины.

Люк приблизился к ней на шаг.

- Тебе жаль? - повторил он мягким тоном. - Это все, что ты можешь мне сказать?

- Я... я должна была уехать. - В ее голосе слышалась мольба. - Я так не могу. Неужели ты не видишь?

Он не видел. Он чувствовал. Сейчас, находясь рядом с ней, он испытывал одновременно ярость, горечь и сексуальное желание.

- Почему ты ничего мне не сказала? - спросил Люк, подойдя к камину и небрежно прислонившись к полке. Впрочем, эта непринужденность была показной. - Я вижу свою жену. На нашей свадьбе присутствовали сливки европейского общества. Скажи, чего я, по-твоему, не вижу.

- Ты мне чужой! - Ее голос дрожал от разочарования. Румянец, проступивший на ее лице, сделал черты еще выразительнее. - Мы впервые встретились у алтаря!

- И что? - Он выпрямился. - В этом и заключается твое возражение? Из-за этого ты убежала от меня на другой конец земного шара?

- Ты спятил? - Габриель издала резкий смешок. - Мы живем не в Средневековье. Обычно люди знакомятся друг с другом до свадьбы.

- Но мы с тобой не обычные люди, - возразил Люк, обходя диван. Разве они уже это не обсуждали? Неужели она и вправду так наивна? После того, что она сделала, он очень в этом сомневался. Когда он приблизился к ней, на ее лице промелькнула паника, но она не сдвинулась с места. - Ты кронпринцесса Миравакии.

Габриель выставила перед собой ладони, словно пытаясь защититься.

- Это моя главная вина, - отчаянно произнесла она.

- Здесь я с тобой согласен, - отрезал Люк.

- Мне следовало возразить раньше. Все дни после свадьбы я спрашивала себя, как я могла допустить, чтобы дело так далеко зашло. Меня оправдывает только то, что я не привыкла идти против отцовской воли.

- Да, - с горечью сказал Люк. - Скромная послушная принцесса Габриель, о которой я так много слышал. Все испугались, что тебя похитили. Никто и предположить не мог, что ты можешь исчезнуть посреди свадебного приема и нарочно меня унижить.

Габриель вздрогнула:

- Мне так жаль. - Она встретилась с ним взглядом. - Ты должен мне верить! Я не знала, что мне делать.

- Ты моя жена, Габриель, - произнес он с горечью. - Может, для тебя это ничего не значит, но для меня это важно.

Она еще больше покраснела.

- Я не могу тебе сказать...

- И позволь мне сразу кое-что прояснить...

Люк подошел к ней вплотную и положил руки ей на плечи. Ее кожа была похожа на атлас. Ему хотелось сорвать с нее одежду и изучить каждый дюйм ее тела. Наказать ее. Ему следовало сделать это с самого начала. Овладеть Габриель прямо в гардеробной. Ему не следовало строить из себя галантного джентльмена. Эта роль ему не подходила.

- Пожалуйста... - начала она.

- Я не верю в нежизнеспособные браки по расчету, - произнес он тоном, не терпящим возражений. - С нами подобного не произойдет.

- Что? Что ты имеешь в виду? - Она часто заморгала. - Должно быть...

- Я имею в виду то, что сказал. - Он привлек ее к себе, и, когда ее набухшая грудь прижалась к его груди, с ее губ сорвался еле слышный стон. - Ты произнесла брачные клятвы. Я ожидал, что ты будешь с уважением к ним относиться не только на словах, но и на деле. Я ясно выразился?

- Но... но... - Габриель тряхнула головой, пытаясь прояснить мысли. Но Люк был слишком близко, и у нее ничего не вышло. - Ты не можешь говорить серьезно! Мы даже не знаем друг друга!

- Думаю, за прошедшую неделю я достаточно хорошо тебя узнал. - Мягкость его голоса не соответствовала сверкающему взгляду. - Пока разыскивал тебя по всему миру. Ты меня обманула и унизила. Что еще мне нужно знать?

- Нет!

Габриель дрожала, ее глаза расширились - то ли от страха, то ли от разочарования, но он больше ей не верил.

- Я не...

- Скажи мне, Габриель, когда ты решила меня обмануть? Или ты все это спланировала с самого начала? - Его голос был резким, черты лица казались высеченными из камня.

- Разумеется, нет! - воскликнула она. - Почему ты не можешь это понять? Я совершила ошибку.

- Да, - процедил он сквозь зубы, - и притом очень серьезную.

В темных глубинах его глаз промелькнуло что-то неистовое и опасное.

Габриель знала, что он собирался сделать, и решила громко закричать, чтобы напугать его. Но она не смогла произнести ни слова и, когда в следующую секунду его безжалостный рот впился в ее губы, поняла, что пропала. Он сильной рукой схватил ее за подбородок и слегка

откинул назад ее голову.

Люк не ласкал ее, не соблазнял. Он брал то, что ему принадлежало.

И внутри Габриель начали вспыхивать один за другим фейерверки желания. Казалось, их тела разговаривали на каком-то первобытном языке, не подвластном разуму. Ее бросало то в жар, то в холод. Его язык ворвался в глубь ее рта и столкнулся с ее языком. Когда ее ладони скользнули вверх по его торсу и задержались на груди, он довольно застонал и притянул ее бедра к своим.

Она чувствовала его всем телом и упивалась этим ощущением, несмотря на свой страх перед ним.

- Отвечай на мои поцелуи, черт побери, - прорычал он, слегка отстранившись.

Ошеломленная, Габриель уставилась на него. Тогда он снова накрыл ее губы своими. Ее затвердевшие соски ныли под одеждой, внизу живота разлилась пульсирующая боль.

Затем она почувствовала прохладу и поняла, что Люк прижал ее спиной к стеклянной двери. Его пальцы зарылись в ее густые шелковистые волосы, и он снова оторвался от ее губ. Его лицо было непроницаемым, темно-серые глаза сверлили ее взглядом. Казалось, он видел, что делали с ней его поцелуи. Видел, как все внутри нее трепещет, умоляя его овладеть ею.

Габриель открыла рот, она хотела поговорить с ним. Возможно, умолять его о том, чтобы он ею овладел или пожалел и отпустил.

Звонок в дверь разрядил напряженную обстановку. Люк бросил на Габриель взгляд, полный гнева.

- Ты кого-то ждешь? Ты сбежала в Калифорнию, чтобы встретиться со своим любовником?

- О боже... - У Габриель закружилась голова. - Это экономка, - произнесла она тихим хриплым голосом. - Она ездила за продуктами.

Серые глаза Люка метали молнии.

- Больше не будет никакой лжи, Габриель. Никакого предательства. Ты меня поняла?

- Да, - пробормотала она, хотя понятия не имела, о чем говорит ее муж. Но он внушал ей страх. Разве она могла ответить по-другому?

«Ты слабая, - сказала она себе. - А этот мужчина - главная из твоих слабостей». Губы Люка дернулись.

- Почему-то я тебе не верю, - произнес он обманчиво мягким тоном. - Жди меня здесь.

Глава 6

Габриель была благодарна небесам за небольшую передышку. Сидя на кожаном диване в гостиной, она слышала доносящийся из кухни низкий голос Люка и веселый смех Умы.

С уходом ее мужа стены комнаты словно раздвинулись. Колени Габриель все еще дрожали, губы хранили вкус его губ, тело по-прежнему горело.

Как она могла так реагировать на его поцелуи? Желать его после всего, что он ей наговорил?

Габриель опустила голову и окинула взглядом свою фигуру, словно видя себя впервые. Она никогда прежде не думала о своем теле. Разумеется, ее считали красивой, да и отец настаивал на том, чтобы она относилась к уходу за собой так же серьезно, как к другим своим обязанностям. Разумеется, как хозяйка в отцовском замке и глава благотворительной организации, она старалась хорошо выглядеть, но ее красота была сдержанной, неброской.

Сегодня вечером она чувствовала себя яркой, соблазнительной, страстной. Как Люку удалось с ней такое сотворить всего за несколько минут? Как он смог подчинить себе ее тело, не спросив у нее разрешения?

Впрочем, в глубине души она знала – Люк Гарнье никогда не спрашивает разрешения. Просто берет то, что ему нужно, воспринимая это как должное.

Габриель глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Подняв глаза, она поймала на себе взгляд Люка, стоявшего в дверях, и ее словно током ударило. Впрочем, она почувствовала его присутствие еще до того, как увидела.

На заднем плане захлопнулась входная дверь.

Они остались наедине. Снова.

У Габриель пересохло во рту. Она провела ладонями по бедрам, пытаясь успокоиться.

– Что-то ты притихла, – усмехнулся Люк.

Она вызывающе вскинула подбородок.

– Какой смысл говорить, если ты все равно меня перебеешь? Знаешь, ты довольно груб.

Его внезапный смех удивил ее. На его правой щеке появилась очаровательная ямочка.

Она вовсе не собиралась его смешить, но в глубине души ей было приятно, что она это сделала.

Габриель была поражена собственным открытием. Как она могла хотеть доставить удовольствие этому человеку, если он все время ее пугал?

В очередной раз она отругала себя за слабость.

– Да, я грубый, – согласился Люк, направляясь к ней уверенными шагами, – безжалостный, высокомерный. Тебе стало лучше оттого, что я произнес это вслух?

– Лучше? – Теперь настала ее очередь смеяться. – С чего мне должно стать лучше, если я связана с таким человеком, как ты?

– Связана... – Его серые глаза заблестели, когда он остановился перед ней. – Знаешь, у меня есть одна идея.

Богатое воображение Габриель тут же нарисовало яркий образ. Она лежит обнаженная на кровати со связанными руками, а Люк навис над ней.

Она вздрогнула, и его губы растянулись в улыбке.

- Вижу, ты догадалась, и моя идея тебе понравилась. Почему-то меня это не удивляет.

- Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Она солгала, и он это знал. Наклонившись, он взял ее за руку и поднял с дивана. У Габриель не было сил сопротивляться. Она могла только смотреть на него широко раскрытыми глазами. Ей казалось, он собирается снова ее поцеловать, но вместо этого он лишь провел кончиками пальцев по ее щеке, шее и ключице и немного отстранился.

- Надень туфли, - произнес он командным тоном. - Мы уходим.

- Куда? - пропищала Габриель.

- Ужинать, - ответил он, ухмыльнувшись.

- Ужинать, - тупо повторила она, и его ухмылка сделалась еще шире.

Она определенно не была глупой, но с того самого момента, как впервые увидела Люка, не сказала ему, наверное, ни одного умного слова. Что он может подумать? Что король Миравакии подсунил ему идиотку?

- Определенно это не должно тебя пугать, - произнес Люк с сарказмом. - Думаю, ты знаешь, что такое ужинать вне дома.

- Но не с тобой, - отрезала Габриель. - И не в этом городе.

Люк проигнорировал ее сарказм.

- Странно, что ты решила сбежать в город, который совсем не знаешь.

- Здесь живет моя подруга, - ответила Габриель, не обращая внимания на слово «сбежать». Игнорировать его пристальный взгляд было намного сложнее. - Я знала, что здесь я буду в безопасности.

- Безопасность - понятие относительное, - пробормотал Люк. В его глазах читалось предупреждение. - И изменчивое.

Высвободившись, она отошла в сторону.

- К счастью, в этом городе есть множество отличных ресторанов, - добавил он, словно они были самой обычной парой и обсуждали планы на вечер. - И некоторые из них полностью подходят для моей цели.

- Я удивлена тем, что ты собираешься ужинать на людях, - сказала Габриель, немного осмелев благодаря расстоянию, которое их разделяло. - Тебе придется хорошо себя вести. Никаких запугиваний и угроз перед свидетелями.

Брови Люка сошлись на переносице, и она мысленно похвалила себя за смелость. Но он неожиданно снова рассмеялся.

- Подумать только... Она еще говорит о хорошем поведении, - произнес он обманчиво мягким тоном. - Ты знаешь, почему мы будем ужинать вне дома, Габриель?

- Наверное, потому, что ты проголодался.

- Потому что из-за твоей маленькой выходки все европейские таблоиды пишут обо мне черт знает что, - с невозмутимым видом поправил ее он.

Габриель поняла - он очень на нее зол. Этот с виду спокойный Люк намного опаснее того, который открыто демонстрировал свою ярость.

- «Удача изменила Люку». «От Люка Гарнье сбежала невеста». - Его ладони сжались в кулаки. - Из-за тебя я стал посмешищем для всей Европы.

- Я... - Габриель не знала, что сказать и почему ей вдруг захотелось его утешить. - Мне жаль, - сказала она. - Раньше таблоиды не проявляли ко мне никакого интереса. Я не давала им повода.

- Очевидно. - Он цинично усмехнулся. - Но сейчас, моя дорогая жена, ты не будешь думать ни о чем другом. Ты будешь мило улыбаться папарацци, строить им глазки - в общем, делать все возможное, чтобы убедить их, что мы влюбленная пара. Ты меня поняла?

Габриель нахмурилась:

- Я не актриса.

- Неужели?

Кем он ее считает? От обиды и возмущения к глазам подступили слезы, и Габриель сдержала их с трудом. Почему его недоверие причиняет ей боль? Оно лишь доказывает, что они абсолютно чужие друг другу. И все же...

- Я не вижу в этом никакого смысла, - ответила она.

- Тебе и не нужно видеть в этом смысл, - сказал Люк. - Тебе нужно лишь надеть брюки и подходящие к ним туфли. Я не хочу, чтобы моя невеста появлялась на людях в таком вульгарном виде. Однажды ты станешь королевой. Возможно, ты об этом забыла, но я помню.

- Какая разница, будут на мне туфли или нет. Мы не сможем притворяться, что наш брак не фарс, - возразила Габриель, задетая его словами. - Зачем тебе эта показуха перед камерами?

- Выслушай меня внимательно, - приказал ей Люк, оказавшись рядом с ней в считанные секунды.

Габриель вдруг, к ужасу своему, осознала, что он с ней играл. Позволял ей думать, будто он даст ей свободное пространство, в котором она так нуждалась.

Он взял в ладони ее лицо, и она почувствовала себя в ловушке.

Внизу ее живота вспыхнуло пламя желания, и ей стало стыдно за себя.

- Наш брак не фарс, - прошептал Люк в дюйме от ее губ. Его глаза сверкали от ярости. - Наш брак настоящий. Я категорически против развода, даже если моя жена обманщица. Нам не нужно нравиться друг другу. Но ты сделала наши отношения объектом всеобщих насмешек, и тебе придется это исправить.

- Я никогда тебя не обманывала! - У Габриель перехватило дыхание.

- В тебе все ложь, - процедил Люк сквозь зубы, но его прикосновения были нежными. -

Особенно это.

Еле слышно выругавшись, он накрыл ее губы своими. Габриель снова пронзила боль желания. Соски затвердели, тело выгнулось дугой навстречу Люку. Она едва дышала, все ее мысли улетучились, пока он продолжал эту сладостную пытку.

Когда он отстранился, Габриель чуть не потеряла равновесие. Она прижала пальцы к губам, сохранившим вкус его поцелуев.

- Габриель. - Он произнес ее имя так, словно один его звук был ему противен, но затем его беспощадный рот искривился в подобии улыбки. - Надень туфли.

Глава 7

Сидя за столиком в знаменитом ресторане «Айви» в Беверли-Хиллз, Люк барабанил пальцами по белой льняной скатерти и наблюдал за Габриель. Он изо всех сил старался держать свой гнев под контролем, хотя с каждой секундой это становилось все труднее.

Он не мог себе позволить выйти из себя. Особенно в таком людном месте.

Его жена выполнила то, о чем он ее просил. Она ослепительно улыбнулась группе репортеров, собравшихся у входа в ресторан, и восторженно рассмеялась после того, как Люк поцеловал ее в губы у всех на виду.

«Какая хорошая актриса», - подумал он, но внутренний голос говорил ему, что она просто выполняла его требования.

Сейчас, когда Габриель сидела напротив него и загадочно улыбалась, словно ей доставляло удовольствие выискивать знаменитостей в толпе во внутреннем дворике, Люк был готов лопнуть от ярости.

Ему хотелось сорвать с ее лица маску невозмутимости и снова увидеть то, что за ней прячется. Ведь он уже попробовал это на вкус.

- Кажется, ты действительно хорошая актриса, - тихо произнес он, чтобы его могла слышать только Габриель. Она напряглась, но улыбаться не перестала. Прямо как на их свадебном приеме. Она не проявляла ни малейших признаков дискомфорта.

- Если ты имеешь в виду то, что я знаю, как следует держаться на публике, ты прав, - спокойно ответила она, но ее подбородок вызывающе приподнялся. - Результат хорошего воспитания.

- Того же воспитания, которое побудило тебя сбежать в разгар собственного свадебного приема? - мягко спросил он. - Твой отец, наверное, гордится твоим поступком.

Ее нижняя губа задрожала, тело слегка напряглось, но человеку неискушенному она бы показалась невозмутимой.

- Это было помрачение ума, - процедила она сквозь зубы.

- Ну разумеется.

- Скажи мне, что бы ты сделал на моем месте? - произнесла она, наклонившись вперед.

Люк увидел гнев, промелькнувший в ее глазах цвета моря, и ему это доставило удовольствие.

- Я бы выполнил свои обещания, - тут же ответил Люк.

- Тебе легко говорить. - Она судорожно вдохнула. - Легко критиковать человека, о котором ничего не знаешь.

- Тогда расскажи мне то, чего я не знаю, - предложил он, откинувшись на спинку стула. - У нас весь вечер впереди, Габриель. И остаток жизни. Если ты считаешь, что я должен что-то знать, поделись этим со мной. Кто знает, - он холодно улыбнулся, - возможно, я даже разделю твою точку зрения.

- Сомневаюсь, - отрезала она, удивив его. - Тебя не интересует, почему я уехала. Тебя беспокоит только то, что я задела твою гордость, очернила твою репутацию. Какое объяснение способно исцелить раненое мужское самолюбие?

На Люка никак не подействовал ее циничный тон. Он продолжал пристально на нее смотреть до тех пор, пока она не коснулась рукой горла и не отвела взгляд.

- Ты этого не узнаешь до тех пор, пока не попытаешься все мне объяснить.

- Мой отец с самого моего рождения возлагал на меня серьезные надежды, - неохотно произнесла она спустя полминуты. - Он человек суровый. Ему нелегко угодить, но я старалась изо всех сил. В университете я получала только самые высокие отметки. Я подчинилась его воле и стала заниматься благотворительностью, вместо того чтобы помогать ему управлять страной, используя свои профессиональные знания. Он не хотел, чтобы кронпринцесса занималась государственными делами. Я лишь организовывала различные мероприятия во дворце. В общем, делала все, что в моих силах, чтобы доставить ему удовольствие.

- Продолжай, - подбодрил ее Люк, когда она остановилась.

Он попытался представить себе юную Габриель, воспитывавшуюся суровым властолюбивым отцом, и обнаружил, что ему не нравится нарисованный им образ. Он не верил ей. Такая послушная и исполнительная девушка, которую она описала, определенно не стала бы сбегать от своего мужа.

- Это не такая уж интересная история, - сказала Габриель, теребя салфетку у себя на коленях. - Я изо всех сил старалась угодить отцу до того дня, когда он выдал меня замуж за совершенно незнакомого мужчину, даже не удосужившись спросить, как я к этому отношусь. - Она расправила плечи и пристально посмотрела на Люка, затем отвернулась. - Во время церемонии я чувствовала себя пойманной в ловушку. Я не хотела причинять тебе неприятности, но боялась, что отчаяние сведет меня с ума.

- И ты не могла мне об этом сказать? - Люк старался говорить с ней мягким тоном. - Не могла попросить у меня помощи?

- Просить у тебя помощи? - Похоже, ей такое даже в голову не приходило. Она издала нервный смешок, затем покачала головой. - Мы с тобой не были знакомы. Как я могла объяснить тебе все это?

Ему хотелось излить на нее гнев, потребовать, чтобы она признала, что ей следовало бежать к нему, а не от него. Он сдержался, хотя не поверил ее рассказу. Бедная маленькая принцесса всячески пыталась угодить своему отцу-тирану. Он не раз слышал подобные истории. Все же Габриель удалось привлечь к нему внимание тысяч таблоидов, чего уже очень давно не удавалось сделать ни одной женщине. Габриель говорила, что ее поступок был спонтанным, но

он считал, что она следовала заранее продуманному плану. Ей впервые представился шанс взбунтоваться против отцовской воли на глазах у всего мира. Газеты стали для нее оружием, а он жертвой.

- Я твой муж, - спокойно произнес он. - Мой долг - защищать тебя.

- Даже от себя самого?

Люк не ответил. Габриель потянулась, за своим бокалом, и он заметил, что ее пальцы слегка дрожат.

Она поднесла бокал к губам. Как простой жест мог показаться ему эротичным, когда в ее рассказе не было ни слова правды? Она выставила его идиотом перед всем миром, но он все равно ее желал.

Он хотел ее, отчаянно нуждался в ней и не мог найти этому объяснение. Это началось, еще когда он впервые ее увидел на приеме в Ницце, и усилилось в ее отсутствие. Сейчас, когда их разделял только небольшой столик, он сгорал от желания.

- Я не представляю для тебя никакой угрозы, - произнес Люк, хотя знал, что это ложь. Но ему было все равно.

Габриель встретила с ним взглядом:

- Почему-то я тебе не верю.

Ужин проходил в напряженной обстановке. Присутствие Люка не давало Габриель сосредоточиться на еде. Кружево бюстгальтера царапало затвердевшие от желания соски, аромат одеколona Люка щекотал ей ноздри, его ноги время от времени неожиданно задевали под столом ее ноги. Она едва притронулась к своим жареным на гриле креветкам и вздрогнула, когда официант принес им кофе.

- Ты не любишь кофе? - спросил ее Люк.

Его голос был мягким и спокойным, но отчего-то она еще сильнее занервничала.

- С чего ты это взял? - Взяв свою чашку, она подула на горячую жидкость.

- Ты состроила гримасу. Или мне следовало сказать «чуть не состроила гримасу»? Разумеется, ты слишком хорошо воспитана, чтобы сделать это в общественном месте.

- Вряд ли я сделала нечто подобное, - холодно произнесла Габриель. Она понимала - Люк ее дразнит, но смогла ему дать только тот ответ, который он хотел услышать. Она чувствовала себя мышью, бегущей прямо в когти коту.

- Я начинаю разбираться в выражениях твоего лица, - сказал Люк, пристально глядя на нее поверх своей чашки.

Ее бросило в дрожь, но она обвинила в этом прохладный бриз.

- Довольно скоро я смогу читать твои мысли. Что ты будешь делать тогда?

- Если ты научишься читать мои мысли, - непринужденно произнесла она, - тебе не придется гадать, лгала я тебе или нет.

- Думаю, ты права.

- Тогда я надеюсь, что ты быстро научишься.

- О, я уже учусь, - произнес он бархатным голосом, от которого у нее перехватило дыхание. Его взгляд намекал на вещи, которые ей не хотелось понимать. - Ты закончила? - промурлыкал он, не сводя с нее глаз. - Мы можем пойти домой, когда захочешь.

«Пойти домой? Вместе? Это невозможно. Неужели он ожидает...»

- Домой? - нервно переспросила она. - Ты имеешь в виду дом Кассандры?

- У твоей подруги красивое имя. - Похоже, ситуация его забавляла.

- У тебя, наверное, есть где-нибудь поблизости отель.

Его губы дернулись.

- Я владею рядом отелей в разных уголках земного шара. Большая их часть находится в Азии. Есть несколько во Франции и Италии, но здесь у меня ничего нет.

- Я не это имела в виду, - сердито произнесла Габриель. - Ты не можешь жить в доме Кассандры вместе со... - Ее бросило в жар, и она осеклась.

- С тобой? - закончил он за нее. - Я не могу?

- Конечно нет. Это нелепо. Мы не... - Посмотрев на свои колени, Габриель обнаружила, что ее руки сжались в кулаки. Она мощным усилием воли разжала их и положила перед собой на стол, словно была абсолютно спокойна. - Я не думаю, что мы...

- Все, что я говорил тебе до этого, я говорил абсолютно серьезно, - решительно произнес он. - Ты моя жена во всех смыслах этого слова.

- Ты спятил! - прошептала Габриель, ошеломленная его словами. Или пораженная тем фактом, что какая-то ее часть очарована им и хочет, чтобы она стала его женой во всех смыслах.

Она резко вдохнула.

- Можешь говорить все, что угодно, - отрывисто бросил он, наклонившись вперед. Его темные глаза блестели. - Ты прекрасно справлялась с ролью оскорбленной невинности, но больше тебе не удастся меня провести.

- Я понятия не имею, о чем ты говоришь, - возразила она.

- Мне достаточно лишь прикоснуться к тебе, - пробормотал Люк, накрыв ее ладонь своей. Габриель показалось, что вверх по ее руке пробежал электрический разряд. Ее грудь набухла, между бедер разлился жидкий огонь.

В его глазах был блеск триумфа.

- Это неправда, - снова попыталась возразить она.

- Вот видишь, ты опять мне лжешь, - самодовольно произнес он.

У ресторана Габриель пыталась взять себя в руки, пока Люк, отойдя в сторону, звонил своему шоферу. Она злилась на мужа за его безжалостность, бесцеремонность, но больше всего за то, что он знал, как ее тело реагирует на его близость.

Она боялась, что не выдержит. Сделав ее своей, Люк ее изменит. Она уже не станет прежней. Ей нельзя было этого допускать, но все же она понимала, что вероломное тело ее предаст, стоит Люку только к ней прикоснуться.

Габриель была в отчаянии, но, несмотря на это, должна была улыбаться и соблюдать правила хорошего тона. Когда Люк снова к ней подошел, она была вынуждена посмотреть на него с обожанием. У нее это получилось безукоризненно, словно она на самом деле, являлась счастливой молодой женой.

«Каково это – быть счастливой молодой женой?» – спросила себя Габриель. Если бы она тогда не сбежала, какими были бы сейчас их отношения?

Отмахнувшись от мучительных вопросов, она постаралась взять себя в руки. Люк обвинил ее в притворстве, но ему повезло, что она обладала хорошим воспитанием и выдержкой. Без этого она бы, возможно, не выдержала и закатила истерику на улице на глазах у фотографов.

– Ну наконец-то, – пробормотал Люк, когда у обочины остановилась его блестящая черная машина.

Он легонько коснулся губами уха Габриель, но все же по ее телу стремительно прокатилась огненная волна. Оно начинало плавиться как воск в предвкушении предстоящей ночи.

«Никакой ночи не будет», – решительно сказала себе Габриель. Она едва знала этого человека! В общей сложности она провела в его обществе около шести часов, включая свадебную церемонию. Люк заблуждался, если думал, что она ляжет с ним в постель только потому, что официально он является ее мужем. И пусть физически ее к нему влечет...

Габриель знала – она сгорит дотла, если Люк добьется своего, и не могла этого допустить. Прежней покорной и исполнительницей принцессы больше не существовало. Она чувствовала себя так, словно пробудилась от долгого мучительного кошмара, но действительность оказалась еще страшнее.

Как бы то ни было, она продолжала беспечно улыбаться, пока Люк усаживал ее в салон своего роскошного седана. Она открыла рот, чтобы его поблагодарить, но его внимание вдруг привлек мужчина в толпе репортеров, собравшихся около машины.

Плечи Люка напряглись, губы сжались в твердую линию, в глазах появился ледяной блеск. Его внешний вид внушал страх, и Габриель испытала облегчение оттого, что объектом его гнева на этот раз стала не она. Он выглядел так, словно был готов разорвать этого парня на куски.

– Сильвио, какой приятный сюрприз, – произнес Люк по-итальянски саркастическим тоном. – Какими судьбами ты оказался в Калифорнии? У тебя отпуск?

Как бы зол он ни был на нее, Габриель почему-то была уверена, что с ней он не стал бы так разговаривать. Она содрогнулась. Собеседник Люка, судя по камере на шее папарацци, не обращал на его сарказм никакого внимания. Он спокойно смотрел на Люка и дерзко ему улыбался, словно не чувствовал опасности.

– Куда бы ни поехал мой принц, я всюду следую за ним, – насмешливо ответил он на том же

языке. – Ну и как вам ваше новое семейное положение, Люк? Это то, о чем вы мечтали?

– И даже больше, – отрезал тот, обнажив зубы. – Уверен, я тебя еще здесь увижу.

– Можете на это рассчитывать, – сказал Сильвио.

– Я всегда на тебя рассчитываю, – ответил Люк с мрачной улыбкой.

Затем он сел в машину, захлопнул дверцу и обратил свой ледяной взгляд на Габриель.

Глава 8

Пока машина поднималась в горы по извилистой дороге, Люк молчал, но это молчание казалось Габриель страшнее любых гневных слов.

Она чувствовала его присутствие каждой клеточкой своего тела. Ей не нужно было на него смотреть. Она физически ощущала ярость, исходившую от него вибрирующими волнами, и дрожала от напряжения. Даже не касаясь ее, он заполнил собой все свободное пространство, загнал ее в угол.

Как ему это удавалось? Как он мог так на нее действовать, даже не дотрагиваясь?

Габриель твердила себе – ее реакция не что иное, как ужас, но упрямый голос, доносившийся из глубин ее женского естества, нашептывал ей правду. Ее грудь налилась, и она боялась, что ее топ и бюстгальтер лопнут по швам. Дыхание стало поверхностным и неровным. Напряжение было так велико, что Габриель захотелось закричать, открыть дверцу и выскочить на проезжую часть.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем машина остановилась перед домом Кассандры. Габриель невидящим взглядом уставилась на красивый фасад.

Как она могла желать Люка, когда он смотрел на нее с такой яростью? Неужели у нее не осталось ни капли самоуважения?

Но она прекрасно знала, что это понятие ей незнакомо. Любая уважающая себя женщина не допустила бы, чтобы ее выдали замуж за незнакомого человека. А даже если бы она и стала его женой, она бы не сбежала от него сразу после свадьбы, чтобы он разыскивал ее по всему земному шару. Не важно, было ли это слабостью или отсутствием уважения к себе, результат один и тот же.

– Пойдем, – приказал ей Люк, вытаскивая ее за руку из машины. Его глаза угрожающе блестели в темноте, рот превратился в тонкую безжалостную линию. – Пора положить конец играм.

Открыв дверь, Габриель бросилась в другой конец комнаты. Люк наблюдал за ней со спокойным удовлетворением.

Он видел румянец на ее красивом лице, чувствовал, как она была напряжена в машине.

Встреча с мерзавцем Сильвио только усилила гнев, владевший Люком с того момента, когда он узнал, что его невеста сбежала, а ему придется иметь дело с последствиями ее побега. Сильвио был самым назойливым из всех папарацци, которые преследовали его годами. Этот скользкий тип ждал подобной истории с тех самых пор, как Люк на похоронах своих родителей вышел из

себя и разукрасил ему физиономию.

То был последний раз, когда Люком так активно интересовалась желтая пресса. С тех пор на страницах таблоидов лишь изредка встречались его снимки. Папарацци жаловались на то, что он ведет до неприличия замкнутый образ жизни. На самом деле Люк просто не хотел давать пищу паразитам вроде Сильвио.

Черт бы побрал Габриель за то, что она сыграла Сильвио на руку. Но Люк знал, как заставить ее за все заплатить.

Его взгляд задержался на ее плавно покачивающихся бедрах, и он мрачно улыбнулся.

Он не мог дождаться момента, когда она заплатит ему за все.

Габриель быстро пересекла гостиную и встретилась лицом к лицу со своим отражением в раздвигающихся дверях. Прижав ладони к прохладному стеклу, она удивилась, что оно не зашипело, ведь они были горячими как огонь.

В комнату проникал свет уличного фонаря, удлиняя тени предметов. Люк не стал включать свет. Он проследовал за Габриель бесшумно, словно хищник.

- Бежать больше некуда, - произнес он мягким, вкрадчивым тоном, от которого по ее спине пробежала приятная дрожь.

- Я никуда и не бегу, - ответила Габриель, гордо вскинув подбородок. Ее раздражало то, что она ведет себя как ребенок, остро реагируя на его вызов.

Люк самодовольно рассмеялся.

- Тебе следовало знать с самого начала, чем все это закончится, - произнес он, не обращая внимания на ее предыдущие слова. - Тщательно все обдумать.

- Я совсем тебя не знаю, - еле слышно прошептала Габриель.

И это была ложь. Она знала вещи, которые предпочла бы игнорировать. Ее тело знало его лучше, чем она хотела себе в этом признаваться. Оно стремилось к нему, как ни пыталась она это отрицать.

- Ты моя, - произнес Люк тоном, не терпящим возражений.

- Я не твоя собственность, - бросила Габриель, вжавшись в дверь. - Один человек не может владеть другим.

- Думаешь так, ты будешь чувствовать себя в большей безопасности? - насмешливо спросил он. - Думаешь, политкорректность поможет тебе сегодня ночью?

Габриель не знала, что она думала. Она лишь знала, что он слишком близко, и остатки здравого смысла кричали ей, чтобы она любой ценой избежала предстоящей ночи, иначе сгорит дотла и перестанет существовать как личность.

Люк остановился за ее спиной, его ладони скользнули вниз по ее рукам. В отражении в стекле его черты были слегка затуманенными. Благодаря этому он почему-то казался ближе и доступнее.

Или, может, это из-за его прикосновений кровь забурлила в ее жилах, вымыв из ее головы все мысли о побеге?

Габриель чувствовала тепло его кожи через тонкую ткань своего топа. Чувствовала, как его сильные, твердые ладони очерчивают контуры ее тела.

Люк словно изучал и одновременно обучал ее. При этой мысли внутри у нее все сжалось.

Габриель почувствовала, что дух сопротивления начинает ее покидать. Рядом с этим мужчиной она была слабой. По телу разлилась сладкая истома, и она, осмелев, прижалась спиной к Люку и почувствовала его каждой клеточкой своего тела.

Ей следовало что-то сказать. Напомнить ему, что они друг другу чужие. Попытаться оттолкнуть.

Но она понимала – назад дороги уже нет, и в любом случае не смогла бы пошевелиться.

Его жаркие губы коснулись ее виска, шеи, впадинки над ключицей. Затем он развернул ее лицом к себе, и она заглянула в его потемневшие от страсти глаза, прежде чем он накрыл ее губы своими.

Габриель поняла, что пропала. На этот раз она решила ответить на его поцелуй, но его безжалостные губы не дали ей это сделать.

Она чувствовала себя так, словно внутри ее тела пронесся мощный шторм, уничтожающий все на своем пути. Ее переполняли желание, благоговейный страх, паника.

Габриель попыталась вырваться из объятий Люка, но ей лишь удалось отстраниться на несколько дюймов. Она будет потеряна навсегда, если позволит ему довести это до логического завершения. Она все поняла в тот момент, когда впервые его увидела. Ее кожа горела, разум затуманился, но ужасней всего было то, что она хотела большего.

Она встретила с Люком взглядом, но его темные глаза были холодными как лед, лицо – непроницаемым.

Внезапно у Габриель закружилась голова. Он был таким сильным, таким далеким, и она знала, что если отдастся ему, то уже никогда не будет такой, как сейчас. Он изменит ее, разделит ее жизнь на «до» и «после». Он полностью подчинит себе ее волю, станет ею командовать.

С ее губ сорвался то ли протест, то ли мольба о пощаде, но звук утонул в поцелуе. На этот раз его губы были более нежными.

- Достаточно, – тихо произнес Люк. – Время разговоров закончилось.

Эта женщина опьяняла сильнее алкоголя. Ее губы были сладкими как мед и терпкими как вино. Люк никогда прежде не пробовал на вкус ничего подобного.

Его жена целовалась как девственница, и он знал, что она притворяется, но очень хотел ей верить.

Застонав, он опустился вместе с ней на диван. Его ладони принялись жадно блуждать по изгибам ее тела, которые ему захотелось изучить в тот момент, когда он впервые ее увидел. Его открытые губы прижались к ее шее, и из ее горла вырвался ответный стон. Ему не

терпелось увидеть ее тело, и он стянул с нее розовый топ.

- Пожалуйста, - пробормотала Габриель низким, хриплым голосом.

Тогда Люк ловким движением расстегнул ее тонкий кружевной бюстгальтер и отбросил его в сторону.

Наконец ее высокая, полная грудь предстала перед ним во всей своей красе. Не в силах устоять перед искушением, он приник губами к одному бутону соска, а другую грудь накрыл ладонью, изучая ее форму.

Габриель покачивалась в его объятиях. Ее роскошные волосы разметались по плечам. От них пахло цветами и мускусом.

Когда ее дыхание участилось, Люк переключился на другой затвердевший сосок, а рукой сжал другую грудь.

- Люк... - простонала она его имя, и ему это понравилось.

Ему понравились отчаяние в ее голосе, блеск желания в потемневших глазах.

Она была его, и он больше никогда не позволит ей об этом забыть.

- Пожалуйста, - взмолилась Габриель. - Я не... Я не знаю.

Ее голова запрокинулась, стройное тело выгнулось дугой. Огонь желания внутри его разгорелся с новой силой. Ему хотелось погрузиться внутрь ее, разоблачить последнюю ложь, в которой она пыталась его убедить. Он будет разоблачать ее до тех пор, пока не станет для нее единственной правдой.

Когда Люк отстранился от ее груди, Габриель поймала его взгляд. Ее глаза затуманились от желания.

Хуже всего было то, что ее ложь перестала иметь значение. И все же...

- Ты всегда такая отзвучивая? - язвительно спросил он. - Или это шоу было устроено специально в мою честь?

Габриель еле заметно покачала головой, затем нахмурилась.

- Зачем мне что-то устраивать специально для тебя? - спросила она.

- Туше, - пробормотал он, после чего снова завладел ее губами.

Пока он ее целовал, до него вдруг дошло, что в ее вопросе скорее слышалось смущение, нежели сарказм.

Он отбросил эту мысль.

Ему нужно как можно скорее овладеть этой женщиной - его женой, - иначе он сойдет с ума.

Глава 9

Габриель казалось, будто все происходит во сне. Она почти себя в этом убедила. Чужая страна,

чужой дом, опасный мужчина, в объятиях которого она дрожит от желания.

Все же она знала, что не спит. Это было большей явью, чем вся ее прошлая жизнь.

- Люк... - простонала она, когда ее накрыла очередная волна удовольствия.

- Тсс, - прошептал он и поцеловал ее в губы. Затем он неожиданно поднялся с дивана и без всяких усилий подхватил ее на руки, словно она ничего не весила. Его темные глаза блестели в полумраке. В горле у Габриель пересохло. Пока он ее нес, она могла только смотреть на его мужественные черты.

Их брачная ночь не состоялась по ее вине. Интересно, понес бы он ее так же в спальню неделю назад, когда они должны были уехать на другой конец острова? Чувствовала бы она в его объятиях то же, что сейчас? Она помнила, каким внушительным и пугающим он показался ей тогда. Сегодня он был еще более волнующим. Волнующим во всех смыслах слова. Внутри у нее все затрепетало. Она боялась. Под его пристальным взглядом она чувствовала себя мухой, попавшейся в паутину. Но вовсе не страх заставлял ее терять над собой контроль. Не из страха ей хотелось отдаться Люку.

Это было желание.

Габриель никогда прежде не испытывала подобного, но знала, отчего ее соски напряглись, а низ живота охватила пульсирующая боль. Она боялась этих ощущений и в то же время приветствовала их.

Страхи и сомнения не оставляли ее в покое. Она закрыла глаза и попыталась прогнать эти чувства, но они оказались сильнее.

Она не знала этого человека. Их брак, организованный ее отцом, был ужасной ошибкой. Она двадцать пять лет жила в слепом подчинении, но наконец прозрела и поняла, что брак с Люком Гарнье положит конец ощущению свободы и независимости, которое она познала за эту короткую неделю.

Он подчинит ее себе, она полностью в нем растворится. Это началось в тот момент, когда она увидела его на пороге. С каждым его поцелуем, с каждой лаской она становилась все более зависимой от него.

- Люк, - снова произнесла Габриель, внезапно осознав, как она перед ним беззащитна. Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой беспомощной.

Оказавшись в главной спальне, Люк опустил ее на кровать под пологом, и мгновение спустя его сильное тело прижало ее к матрасу. Ее сердце бешено заколотилось.

Ощущения сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Его ладони начали жадно исследовать изгибы ее тела. Она упивалась каждым поцелуем, каждой лаской. От каждого его прикосновения по ее телу пробегал электрический ток. Ее грудь налилась, подобно спелым плодам, ее тело было готово принять его.

Люк приподнялся, и Габриель начала дрожащими от волнения пальцами расстегивать пуговицы на его рубашке. У нее это плохо получалось. Тогда Люк, выругавшись себе под нос, стащил рубашку через голову и швырнул ее на пол. Когда ее соски соприкоснулись с его гладкой горячей кожей, у нее пересохло во рту.

Ее руки дрожали, когда она несмело водила ими по его груди, поросшей темными волосками, и твердому животу. Ее сердце учащенно билось, в висках стучало, внизу живота что-то пульсировало. Вспомнив, какое удовольствие он ей доставил, она наклонилась и накрыла губами его твердый сосок. Люк застонал, и она переключилась на второй.

- Больше не надо, - пробормотал он по-итальянски.

Его кожа была солоноватой, и в то же время ее вкус напоминал ей о кипарисах и адриатических бризах.

- Не дразни меня.

Ловкими, уверенными руками он избавил их обоих от оставшейся одежды. Когда его твердая плоть прижалась к ее животу, Габриель тихонько вскрикнула. От желания у нее кружилась голова.

Приподнявшись на локтях, он посмотрел на нее. То, что она прочитала в его глазах, привело ее в неопишуемый восторг.

Она почувствовала себя настоящей распутницей. Дерзкой, смелой, уверенной в себе.

- Не дразни меня, - повторила она его слова. Его губы изогнулись в сексуальной улыбке, которая что-то пробудила внутри Габриель.

- Ваше требование для меня закон, ваше королевское высочество.

С этими словами он без всякого предупреждения раздвинул ей бедра и вошел в нее.

Когда их тела слились воедино, Габриель громко закричала. Это было так неожиданно, так удивительно, что Люк перестал двигаться и, тяжело дыша, ошеломленно уставился на нее.

- Ты девственница!

Глаза Габриель наполнились слезами, ее изящные ладони уперлись в его грудь.

- Тебе следовало мне сказать... - Он осекся. Все и так было налицо. Ее настороженность во время свадебного приема, ее робкие взгляды и неумелые поцелуи.

Он считал ее искусной актрисой, а она действительно оказалась невинной.

- Да, - ответила Габриель, заерзав под ним.

Сначала ему показалось, что она пытается высвободиться, но он быстро понял - она добивается противоположного эффекта. Он уже находился глубоко внутри нее, а она все продолжала двигаться. Это была сладкая пытка.

- Разумеется, я девственница! - возмутилась она. - Неужели это имеет какое-то значение?

Люк посмотрел на лицо своей жены.

- Тебе больно? - спросил он, войдя в нее еще немного глубже.

- Я... я не пойму... - растерянно пробормотала Габриель.

- Если бы я знал, я бы не причинил тебе боль, - сказал Люк, проведя кончиком пальца по ее ключице. Затем он поцеловал сначала одну ее грудь, затем другую, словно пытаясь загладить вину.

- Если бы ты знал? - повторила Габриель. - То есть ты думал... - Она уставилась на него глазами полными ярости, ее руки, лежащие у него на груди, сжались в кулаки.

- Да, я думал. - Люк снова задвигался и с удовольствием отметил про себя, что она разжала руки и провела ими по его бедрам. - Ты жила не в женском монастыре. Я не договаривался о нашем браке с твоей игуменьей. Ты взрослая женщина.

Он не сказал: «Я думал, ты мне лгала».

- Нет, - произнесла Габриель слегка дрожащим от волнения голосом. - Разумеется, я не жила все это время в монастыре. Но я не... У меня никогда... - Ее щеки еще больше покраснели.

В его груди пробудилось к жизни какое-то новое, радостное чувство.

«Моя», - подумал он. Ему хотелось прокричать это на весь мир. Ни один мужчина прежде не дотрагивался до нее. Она принадлежала только ему.

- Впрочем, зная твоего отца, можно утверждать, что твоя жизнь во дворце немногим отличалась от жизни в монастыре, - пробормотал он.

- Люк...

Ему безумно нравилось, как она произносила его имя, и он крепко ее поцеловал.

- Доверься мне, - прошептал он, погружаясь глубже в ее влажную, горячую упругость.

Габриель подхватила его ритм и задвигалась вместе с ним. Ее бедра сами поднимались, словно она их не контролировала. Ее ноги обхватили его талию. Он поглаживал самые чувствительные ее места, подбадривая ее. Ее дыхание стало прерывистым, голова начала метаться из стороны в сторону.

«Моя», - снова подумал Люк, когда она задрожала в экстазе. Мгновение спустя он присоединился к ней.

Проснувшись, Габриель не сразу поняла, что ее разбудило. Но, оглядевшись, она узнала сильную руку Люка, лежащую поверх нее. Наверное, он обнял ее во сне. И случайно разбудил. Она никогда прежде ни с кем не спала. Это было странное ощущение. Раньше матрас казался ей просторным, но сегодня ей не хватало свободного места. Люк был таким большим.

В памяти пронеслись образы прошлой ночи, один красочнее другого, и ее снова охватили волнующие ощущения. Прошлой ночью она впервые почувствовала себя женщиной. Узнала истинное предназначение своей груди и бедер. Они были словно созданы для того, чтобы доставлять ему удовольствие.

Габриель посмотрела на спящего Люка. Его твердый безжалостный рот во сне выглядел мягче. Он казался доступнее, моложе и привлекательнее. Она улыбнулась про себя. Нельзя сказать, что в его внешности появилось нечто мальчишеское. Она не могла себе представить Люка ребенком. Но во сне он выглядел не таким внушительным и пугающим. К такому Люку можно

было найти подход.

Вздрыгнув, Габриель повернулась к нему спиной и уставилась в темноту. Она уже изменилась? Изменилась навсегда? Она не ожидала, что близость с Люком доставит ей такое удовольствие. Что он окажется так глубоко внутри нее. Что с ним она будет чувствовать себя одновременно хрупкой и сильной.

Этот мужчина подобен разбушевавшейся стихии. Стремительно ворвавшись в нее, он причинил ей боль, но компенсировал это невероятным наслаждением. Даже сейчас, когда Люк спал, его присутствие возбуждало Габриель. Несмотря на боль в различных частях тела, вызванную новым и необычным занятием, она хотела его. Было ли это еще одним проявлением ее слабости? Или, может, причина крылась в его власти над ней?

- Ты так громко думаешь, что я не могу спать, - послышался голос Люка.

Вздрыгнув от неожиданности, она повернулась, чтобы посмотреть на него. Его темные глаза казались бездонными в свете луны.

- Прости, - машинально произнесла Габриель, затем до нее дошло, что Люк пошутил. Он не был экстрасенсом. - Наверное, у тебя очень чуткий сон.

Протянув руку, он разгладил пальцем складку между ее бровей. Она повернула голову и прижалась щекой к его ладони.

- Тебе не нужно ни о чем беспокоиться. Я позабочусь о тебе. - Это прозвучало как клятва. От гнева, который он сдерживал весь вечер, не осталось и следа. Ее муж нежно провел пальцем по ее губам и прошептал: - Спи.

- Я не знаю, что меня разбудило, - ответила Габриель так же тихо, чтобы не нарушить хрупкое равновесие, установившееся между ними. Ей хотелось, чтобы он всегда смотрел на нее с такой же мягкой улыбкой, как сейчас.

Она не знала, что с ней творится. Не этого ли она так боялась? Может, она уже начала себя терять? Или еще не поздно повернуть назад?

Но сейчас, лежа среди ночи в объятиях Люка, она не была уверена, что это имеет для нее какое-то значение.

- Похоже, я создал ненасытного монстра, - сказал Люк, затем притянул ее к себе и поцеловал в губы. - Тебя можно удовлетворить только на короткое время, затем ты снова начинаешь во мне нуждаться.

Неужели он ее добродушно поддразнивает? Габриель не верила своим ушам. Но еще больше ее поразила реакция собственного тела на его поцелуй. Ее соски мгновенно затвердели, внизу живота вспыхнул огонь желания. Мгновенно. От малейшего прикосновения. Ей хотелось снова заняться с ним любовью, но она лишь провела рукой по его волосам, прошептала «возможно», после чего опять забылась сном.

Глава 10

Когда Габриель снова проснулась, комнату заливал яркий солнечный свет. Она села в постели. Ей не нужно было оглядываться по сторонам, чтобы понять, что Люка нет ни в постели, ни в комнате. Она бы почувствовала его присутствие, будь он рядом.

Откинув с лица свои густые, тяжелые волосы, Габриель потянулась, и ее движения отозвались приятной болью в сокровенных уголках ее женского естества. При воспоминании о том, чему Люк научил ее прошлой ночью, ее щеки вспыхнули огнем.

Нельзя сказать, что до этого странного брака она была совсем неискушенной. Может, у нее и не было романтических отношений с противоположным полом и ее знания о мужчинах ограничивались теорией, зато она читала романы и много мечтала.

У нее было богатое воображение, но того, что она испытала с Люком, она даже представить себе не могла. Поднявшись с постели, Габриель надела шелковый халат и пошла в ванную. Приняв душ, она уложила волосы и отправилась в гардеробную. Ей хотелось предстать перед Люком в своем лучшем виде, поэтому она сразу отмела одежду в американском стиле. Она не знала, как ей быть с внезапными переменами настроения мужа, зато умела с помощью одежды маскировать свое эмоциональное состояние.

Девушка выбрала кремовые льняные брюки, сшитые специально для нее известным дизайнером из Миравакии, и тонкий кашемировый джемпер цвета шампанского. Волосы она собрала в привычный для себя гладкий французский узел на затылке, а в уши вставила маленькие жемчужные сережки. Косметику она подбирала очень тщательно. Люк определенно принадлежал к тем мужчинам, которым нравился почти незаметный естественный макияж. Они, наверное, и не догадываются, сколько времени и умений это требует. Но принцесса Габриель всегда славилась своей сдержанной элегантностью. Создание подобного стиля было ее главным личным достижением на сегодняшний день. Ее губы искривились в мрачной ухмылке. Ее благородная красота стала одной из причин, по которой Люк выбрал ее себе в жены.

Отгнав неприятные мысли, Габриель критически оглядела свое отражение в полный рост. От вчерашней дерзкой босоногой распутницы с распущенными волосами не осталось и следа. На нее смотрела привычная принцесса Габриель. Безукоризненно ухоженная, элегантная красавица.

Это была ее защитная броня.

Габриель вышла на деревянный настил за домом, когда Люк делал очередной телефонный звонок. Он произнес несколько итоговых фраз по-французски, затем распорядился, чтобы помощники прислали ему по факсу необходимые документы. После этого он полностью сосредоточил внимание на своей жене.

Окутанная мягким солнечным светом, Габриель была прекрасна, как никогда. От гладкой прически до элегантных туфель – все в ней соответствовало образу утонченной, хорошо воспитанной кронпринцессы, которую он увидел в Ницце.

Она кивнула и приветливо улыбнулась ему:

- Прости, что я так долго спала. Надеюсь, я не заставила тебя ждать.

Какая вежливость! словно она не провела всю прошлую ночь в его объятиях. Люку очень хотелось напомнить ей о том, что было, но в то же время он испытал облегчение, увидев ее такую. Ее внешний вид и поведение доказывали, что в Ницце он не ошибся и это действительно та женщина, которую он выбрал себе в жены. Он бы предпочел, чтобы остальной мир видел только эту Габриель: безукоризненную элегантную принцессу, делающую честь своей стране и своему мужу. Он был бы единственным, кто знал бы о существовании другой стороны ее натуры. О дерзкой бунтарке, осмелившейся бросить вызов самому Люку Гарнье.

При этой мысли мужчина улыбнулся.

- Отдых пошел тебе на пользу, - сказал он, вставая и приглашая ее сесть напротив. На столике стоял поднос с кофейником, свежей выпечкой и фруктами. - Тебе налить кофе?

- Да, пожалуйста, - ответила Габриель, грациозно садясь за столик.

Он налил ей чашку кофе, и она, поблагодарив, заговорила с ним о разнице в погодных условиях между Миравакией и Лос-Анджелесом и неожиданных сходствах двух этих мест.

Ее тон был спокойным и вежливым, как если бы она разговаривала с абсолютно незнакомым человеком на официальном приеме. Она походила на идеально вышколенную хостесс, заботившуюся о том, чтобы гостям было комфортно во время мероприятия.

«У нее отлично получается вести светскую беседу. - с удовольствием отметил про себя Люк. - Интересно, ей трудно сохранять невозмутимость после того, что произошло между нами ночью? Что она чувствует?» Он подавил смешок. Когда это его, Люка Гарнье, волновали чувства женщин?

Последней женщиной, чьи чувства его интересовали, была его мать, но тогда речь шла о выживании, а не о заботе. Виттория Гиацинта Гарнье была лицемеркой и эгоисткой. Своими частыми переменами настроения она сводила с ума родных и слуг. Ее собственные эмоции для нее всегда стояли на первом месте, и она требовала, чтобы муж и сын относились к ним точно так же. Она словно энергетический вампир питалась энергией окружающих ее людей.

- Я тебя насмешила? - спросила Габриель, вернув его к реальности. Она поставила чашку на стол и аккуратно сложила руки на коленях. - Я бы не хотела жить так далеко от Миравакии, но, признаюсь, была очень удивлена, когда узнала, что Лос-Анджелес не такой варварский город, как я думала раньше.

- А как насчет твоего мужа? - спросил Люк. Поняв, что зря усомнился в Габриель, он решил быть с ней помягче, однако слова сорвались с языка сами. - Он оказался варваром, как ты и ожидала?

Он был вынужден признаться, что прошлой ночью вел себя как самый настоящий варвар, однако не мог жалеть о том, что лишил ее невинности.

На щеках Габриель проступил румянец. Похоже, она догадывалась, о чем он сейчас думает.

- У меня не было подобных ожиданий, - спокойно ответила она, затем ловко сменила тему.

- У тебя это так хорошо получается, - сказал Люк.

Она вопросительно подняла брови.

- Переводить разговор на другую тему.

Люк обнаружил, что она улыбается. Такой улыбки он не видел на ее лице раньше и очень об этом жалел. Она была доброй, теплой, искренней. Настоящей.

- Думаю, для женщины моего положения это необходимое качество, - сказала Габриель. - Говорить с любым человеком обо всем, кроме того, о чем он больше всего хочет говорить. - Она бросила на него лукавый взгляд из-под ресниц. - Мужчины называют это дипломатией.

- Тебе нравится твое положение? - спросил Люк, проигнорировав ее шутливый намек.

Он пытался собрать различные образы Габриель воедино. Безупречная невеста, взволнованная и напуганная; коварная обманщица, сбежавшая от него на другой конец земного шара; страстная женщина, пылающая в его объятиях; и, наконец, эта загадочная особа, которая очаровательно улыбается и в то же время выглядит так, словно даже торнадо не смог бы поколебать ее спокойствие. У него в голове не укладывалось, что все это одна и та же женщина. Она очаровала его.

«Как любое загадочное явление», - сказал себе Люк. Как только он ее разгадает, она перестанет его интересовать. Это лишь вопрос времени.

- Я с юных лет выполняла обязанности хозяйки во дворце, - сказала Габриель. Она снова взяла чашку и сделала глоток, затем задумчиво наклонила голову. - Я всегда понимала, что представляю не только свою семью, но и свою страну. Мне это доставляло удовольствие. - Она посмотрела на него, затем в чашку с кофе. - Ты возглавляешь огромную империю. У тебя достаточно свободного времени? Ты много развлекаешься?

- Нет.

Увидев, как она напряглась, Люк пожалел о своей категоричности.

- С нашей свадьбой изменилась не только твоя жизнь, Габриель, но и моя. Я осознал, что мне пора начать выполнять обязанности, которые я до сих пор игнорировал.

- Ты не создаешь впечатления человека, который игнорирует какие бы то ни было обязанности, - ответила она после небольшой паузы.

Люк не знал, что ему делать со странным ощущением, охватившим его после ее слов. Оно было очень приятным.

- Тебе, наверное, известно, что мои родители погибли, когда мне было всего двадцать три года, - сказал Люк, пожав плечами. - Мне пришлось возглавить отцовскую компанию, чтобы все, над чем он так долго трудился, не попало в чужие руки... - Он не собирался подробно ей рассказывать о той борьбе, о том, как многие люди, которых он считал друзьями, предали его. Все это осталось в далеком прошлом. Люк улыбнулся. - Я был настроен решительно.

- Да, - произнесла Габриель. - Ты славишься своим упорством и непримиримостью. Даже беспощадностью. - Она улыбнулась, чтобы немного смягчить воздействие своих слов.

- Будем считать, что это комплимент, - ответил он, откинувшись на спинку стула. - Я много работал, чтобы во мне начали видеть угрозу.

- И тебе удалось добиться своей цели - сухо ответила Габриель.

Затем она протянула руку и взяла с тарелки спелую клубнику, и он забыл, что хотел сказать в ответ. Наблюдая за тем, как ярко-красная ягода исчезает между ее чувственных губ, Люк почувствовал, как у него в паху все напряглось. Но он решил не использовать ситуацию против нее. Она была слишком невинна для подобных сексуальных игр. Утром в перерыве между звонками он за чашкой кофе решил, что ему следует начать ухаживать за своей женой. Развлекать ее, доставлять ей удовольствие. Таковы были его намерения до тех пор, пока она не сбежала с приема.

- Никто не верил, что я смогу управлять отцовскими холдингами, - продолжил он, чтобы не думать о ее чувственных губах. - Я только окончил университет. - Их взгляды встретились, и Люк увидел в ее глазах интерес. Это вызвало внутри него новую волну желания. - Я не люблю, когда мне говорят, что я могу, а чего нет.

«Всего двадцать три, - подумала Габриель, - и уже такой серьезный противник». Когда он замолчал, она нахмурилась.

- Мне жаль, - произнесла она, вглядываясь в его суровые черты и пытаясь увидеть намек на боль, которую он испытал много лет назад. Ничего не найдя, она сглотнула и продолжила: - Двадцать три года - это еще очень мало. Гибель родителей была для тебя тяжелой утратой.

- Ты тоже лишилась матери, не так ли? - спросил Люк.

Его взгляд был тяжелым, но она уже не боялась его, как раньше. Неужели желание притупило инстинкт самосохранения? Она нисколько не сомневалась в том, что он даже опаснее, чем раньше, но ее тело снова отказывалось подчиняться разуму. Оно просто хотело, чтобы он был рядом.

- Да, - наконец ответила Габриель, отводя взгляд. С матерью у нее были связаны только смутные воспоминания. Нежное прикосновение ее пальцев к щеке Габриель, шелест тонкого шелкового платья, сладковатый аромат духов и милая улыбка. - Но мне тогда только исполнилось пять. Я помню ее хуже, чем мне бы этого хотелось. Думаю, потерять обоих родителей в твоем возрасте было намного тяжелее.

На щеке Люка дернулся мускул, и он слегка наклонился вперед. Его темно-серые глаза стали еще темнее. Габриель сразу уловила резкую перемену в его настроении. Несмотря на жаркое солнце, ее обдало холодом. К счастью, сегодня эта ярость направлена не на нее.

- То были тяжелые времена, - отрезал Люк, нахмурившись. - Но шумиха, спровоцированная прессой, была еще хуже. - Его губы превратились в твердую линию. - Гнусные шакалы! Столько завуалированных подозрений, слухов и мерзких инсинуаций. Слово правда не была достаточно трагичной.

- Это ужасно, - еле слышно произнесла Габриель. Она боялась, что, если его перебьет, он прекратит свой рассказ.

- На самом деле какая-то часть меня даже испытала облегчение, - произнес Люк мгновение спустя, уставившись в одну точку. - Знаю, гордиться здесь нечем. Мои родители всегда думали только о себе. До меня им не было никакого дела. Думаю, мой отец безумно любил мою мать, несмотря на все ее измены, истерики и капризы. Но его одного в качестве зрителя ей было мало.

Габриель читала о его матери. Виттория Гарнье была женщиной яркой, темпераментной и очень красивой. Благодаря своему происхождению и этим качествам она оказалась в центре внимания желтой прессы, которая то лебезила перед ней, то поливала ее грязью. В подобных ситуациях о ребенке, разумеется, никто не думает. Никто не задавался вопросом, что чувствовал бедный Люк, когда его родители выясняли отношения на глазах у всего мира. Когда ходили слухи, что его отец не был его физиологическим отцом, а таблоиды печатали списки любовников его матери. Когда в жизнь его семьи вмешивались посторонние, чтобы нагреть на этом руки.

Ее сердце разрывалось от жалости к Люку, выросшему в таком аду, но она не осмелилась

сказать ему о своих чувствах.

- Тебя с тем типом что-то связывает? - спросила она. - С папарацци, которого мы встретили вчера у ресторана?

- Его зовут Сильвио Доменико, - с отвращением произнес Люк. Его лицо стало непроницаемым. - Прежде чем ты мне успела задать этот вопрос, отвечу: да, он тот самый человек, которому я заехал по физиономии на похоронах своих родителей. «Горюющий наследник четы Гарнье затеял драку на кладбище» - кажется, так гласил заголовок. - Его губы дернулись. - Сколько достоинства! Сколько уважения к памяти покойных!

Габриель не поняла, кому он адресовал последние фразы, желтой прессе или самому себе.

- Что произошло? - спросила Габриель. Ей безумно хотелось лучше узнать своего мужа. Он был человеком замкнутым и в то же время делился с ней своим прошлым по собственной воле. Определенно это что-то значило.

- Он жалкая пресмыкающаяся тварь, - ответил Люк, сверкая глазами. - И не стоит того, чтобы пачкать об него ботинки. - Он выругался на итальянском. - Но сегодня ничто уже не имеет значения. Все осталось в далеком прошлом.

Вряд ли это так, если, узнав, что о ее исчезновении написали в газетах, он пришел в такую ярость. А может, ярость Люка была нацелена не на Габриель, а на призрак его непутевой матери, который спустя столько лет передал ему привет из прошлого?

- Мне так жаль, - произнесла Габриель, жалея, что завела разговор на эту тему. - Я понятия не имела, что мой побег может кому-то навредить, кроме меня.

У Люка зазвонил мобильный телефон.

- Я тебе верю, - сказал он, потянувшись за телефоном.

Ответив на звонок на французском, он извинился перед ней, встал из-за стола и направился в дом.

Габриель смотрела ему вслед. Он двигался так же уверенно и энергично, как делал все остальное. Только когда он скрылся из вида, Габриель осознала, что с тех пор, как присоединилась к нему, не сделала ни одного глубокого вдоха.

Она тихо рассмеялась. Похоже, ее броня подействовала на Люка так же, как на всех остальных, и это ее удивило.

«Он не сверхчеловек, а просто мужчина», - сказала она себе.

Но затем вспомнила его поцелуи и ласки и тут же в этом усомнилась.

Глава 11

Габриель стояла на балконе роскошного пентхауса в Сан-Франциско и наблюдала за тем, как солнце садится за горизонт, а внизу в полумраке постепенно загораются огни прекрасного города. Солнце забрало с собой тепло дня, и Габриель, пожившись, плотнее укуталась в шелковый шарф.

Она слышала голос Люка, доносящийся из библиотеки, куда ее муж удалился, чтобы сделать

важные звонки. Она была рада ненадолго остаться наедине с собой и обдумать события последних нескольких недель.

Неужели прошел всего месяц с тех пор, как Люк появился на пороге дома Кассандры в Голливуд-Хиллз? Ей казалось, это было уже давно. Ее беспокоило то, что она никак не могла решить, произошли ли с ней те изменения, которых она так боялась, потеряла ли она себя.

В тот вечер Люк был в ярости, но во время долгой удивительной ночи буря улеглась. Следующим утром он словно проснулся совершенно другим человеком. Конечно, его нельзя было назвать добродушным и беззаботным, но она понимала – он никогда не станет осыпать ее любезностями, как другие мужчины. Он был к ней внимателен, и ей этого достаточно.

В тот же день они отправились в путешествие по бесконечному калифорнийскому побережью. Они посетили на вертолете остров Каталины, затем поужинали в очаровательном городке Санта-Барбара, в котором удивительным образом сочетались образцы испанской, средиземноморской и мавританской архитектуры. После ужина они на машине отправились в горы на роскошное ранчо Сент-Исидро. Там их ждал небольшой уютный коттедж в укромном местечке на берегу реки.

И все это время Люк относился к Габриель как к жене, к личности, а не как к последнему выгодному приобретению. Она боялась, что не уберет свое сердце от этого нового Люка, пока не обнаружила в коттедже свои сумки.

- Что это? – удивилась она. – Что здесь делают мои вещи?

- Я распорядился, чтобы все прислали сюда заранее, – сказал Люк, словно это было очевидно. – Разве так тебе не будет удобнее?

- Мне определенно не понадобятся здесь все эти вещи, – ответила она. Когда Люк отвернулся и начал что-то просматривать на экране своего карманного компьютера, у нее возникло подозрение. – Когда мы вернемся в дом Кассандры? Завтра? Послезавтра?

- Мы туда не вернемся, – произнес Люк, не отрывая глаз от экрана. Прочитав сообщение, он нахмурился и убрал компьютер в карман. Затем пересек комнату и налил себе выпить.

Внезапно Габриель вернулась к реальности. Как она могла допустить, чтобы ее отношение к нему изменилось всего за один день? Как она могла забыть о том, что их брак был всего лишь выгодной сделкой?

- Разумеется, я туда вернусь! – воскликнула девушка. – Ты не имеешь права решать за меня, где мне находиться!

- Ты злишься из-за того, что я это сделал, или из-за того, что не спросил тебя? – мягко произнес Люк, садясь на диван.

Он чувствовал себя одинаково непринужденно в кафедральном соборе Миравакии и в коттедже на ранчо.

- Меня злит, что ты не берешь в расчет мои чувства, – ответила Габриель. Наверное, романтическая обстановка усыпила ее бдительность и внушила ей ложное ощущение безопасности. Только этим она могла объяснить свою неизвестно откуда взявшуюся смелость.

- У нас с тобой медовый месяц, не так ли? – спросил Люк.

Его тон по-прежнему был мягким, но по ее спине пробежал холодок. За мягкостью его тона пряталась стальная решимость.

- Я... я не знаю, - сказала Габриель, и это была абсолютная правда. - Я говорила тебе, что считаю наш брак ошибкой.

Она ожидала, что Люк обрушит на нее гнев, как было вчера, но ничего подобного не случилось.

- Говорила, - согласился ее муж: По его взгляду было трудно догадаться, о чем он думает в этот момент. Поднявшись с дивана, он слегка наклонил голову. - Думаю, это моя вина. Мне следовало придумать более интересные способы, как проводить медовый месяц, чем туристические вылазки. Возможно, это изменило бы твоё отношение к нашему браку.

- Не думаю, что это изменило бы тот факт... - начала Габриель, но дар речи внезапно покинул ее, потому что Люк ловким движением вытащил полы рубашки из-под пояса брюк. Она могла только стоять и смотреть на него, словно зачарованная. Его темные брови вызывающе изогнулись.

- Прошу прощения? Ты что-то сказала? - спросил Люк.

Его спокойный тон не соответствовал напряженной атмосфере в комнате. Не сводя с нее потемневших от желания глаз, он медленно расстегнул рубашку и снял ее.

Он раздевался перед ней при свете, и Габриель оказалась к этому не готова. Накануне вечером у нее не было возможности внимательно его рассмотреть. У него была широкая мускулистая грудь и плоский живот с четко прорисованными мышцами пресса. Он был прекрасен, как античный герой, и она вдруг почувствовала непреодолимое желание исследовать губами каждый дюйм его гладкой загорелой кожи.

Она едва не лишилась чувств, когда Люк снял с себя остальную одежду и предстал перед ней полностью обнаженным.

- Что ты делаешь? - прошептала Габриель, уставившись на ту часть его тела, которая прошлой ночью доставила ей столько удовольствия. Под ее взглядом она увеличилась в размерах и затвердела.

Голова у девушки закружилась, кровь так громко застучала у нее в висках, что она испугалась за свои барабанные перепонки.

- Я собираюсь принять горячую ванну в патио, - лениво протянул Люк, взяв бокал с напитком. - Не хочешь составить мне компанию?

У Габриель перехватило дыхание. Его обнаженное тело было единственным, о чем она сейчас могла думать.

- Я никогда не принимала ванну под открытым небом, - пробормотала она.

- Уверен, тебе понравится, - пообещал ей Люк и протянул ей руку.

Габриель колебалась. Зов плоти побуждал ее броситься в его объятия, а голос разума говорил, что инцидент с ее сумками нельзя оставлять без внимания.

Но затем ее муж улыбнулся, и на его щеке появилась очаровательная ямочка.

- Доверься мне, - сказал он, и она смело вложила свою руку в его ладонь...

Сейчас, стоя на просторном балконе его пентхауса в Сан-Франциско, Габриель дрожала, но не от холода. Она оглянулась через плечо, но Люк по-прежнему находился в кабинете. Она слышала его глубокий мелодичный голос, он говорил по-итальянски со своим помощником.

После отдыха в коттедже на ранчо они продолжили свое путешествие по калифорнийскому побережью. Габриель побывала в местах, о которых прежде ей доводилось только читать. Биг-Сур, Кармел-Вэлли, Монтеррей. Каждую ночь Люк занимался с ней любовью с такой страстью, что она боялась сгореть дотла. Вскоре она обнаружила, что знает его тело так же хорошо, как свое собственное. В то же время всякий раз, когда он к ней прикасался, она пыталась ему противостоять. Сохранить в безопасности крошечную частичку себя.

Сейчас, глядя на огни Сан-Франциско, Габриель спрашивала себя, какое значение имеет крошечная частичка, когда остальное ее тело полностью принадлежит ему. Как она могла это допустить? Ведь она с самого начала решила, что не будет слепо подчиняться ему, как подчинялась своему отцу. И вот прошло всего несколько недель, а она уже готова выполнять каждое требование, каждое желание своего мужа.

Может, она просто притворялась, что хочет ему сопротивляться, и в глубине души упивалась своей капитуляцией? Может, это никакое вовсе не поражение, а разрешение предаваться удовольствиям, чего она не позволяла себе раньше?

Внутренний голос подсказывал ей - это правда, но она заставила его замолчать.

«Однажды чары рассеются, - твердо сказала она себе, - и что у тебя тогда останется? Брак, который напоминает твои отношения с отцом? Жизнь в полном подчинении у мужчины, которого ты себе не выбирала?»

Но в данный момент ее интересовало только настоящее.

- Габриель.

Одного ее имени, произнесенного его низким бархатным голосом, было достаточно, чтобы внутри у нее все начало плавиться. Повернувшись, она увидела Люка, стоящего в дверном проеме. На нем были черные брюки и такого же цвета кашемировая водолазка, обтягивающая широкую грудь. Он хмурился. Габриель больше не паниковала, когда у него было такое выражение лица, но все же насторожилась.

- Ветер усилился. Смотри не простудись.

- Чудесный вечер, - с улыбкой ответила она, не сдвинувшись с места. Это был ее очередной, едва заметный протест.

Воздух между ними звенел от напряжения, город внизу превратился в море ярких огней. Внутри Габриель начало зарождаться чувство, которому она не могла подобрать название. Она не знала, было ли это причиной того, что на ее глаза навернулись слезы. А может, дело было в том, что Люк смотрел на нее так, словно видел ее впервые.

- Ты отлично выглядишь, - сказал он, подходя к ней.

Взяв ее руку, он поднес ее к своим губам. Даже от малейшего прикосновения его губ ее кожу начало покалывать.

«Это всего лишь секс, – сказала себе Габриель, злясь на свое предательское тело. – Физиология, не более».

Нет никакого волшебства, никаких чар. Он сексуальный мужчина, а она неопытная дурочка.

Она каждый день говорила себе подобные вещи, вот только говорить не означало верить.

– Спасибо, – тихо произнесла девушка.

Для этого вечера она выбрала простое черное платье. Ее волосы были собраны в низкий хвост с помощью заколки, украшенной драгоценными камнями.

– Прости, что оставил тебя одну, – извинился Люк, пристально вглядываясь в нее. Он словно видел, что внутри ее идет какая-то борьба. – Но в большом бизнесе выходных не бывает.

Габриель машинально улыбнулась. Ничего бы не случилось, если бы он поручил дела своим высококвалифицированным помощникам. Скорее всего, он просто не хотел устраивать себе выходные. Ей пора привыкать к тому, что у ее мужа работа на первом месте.

– Я любовалась закатом над Золотыми Воротами, – сказала она, одарив его одной из своих привычных вежливых улыбок. – Разве я могла чувствовать себя одинокой?

Глаза Габриель потемнели и потеряли зеленый оттенок. За прошедшие несколько недель Люк понял, что это означает: она чем-то расстроена. Его жена улыбалась, ее тело было расслаблено, и все же он чувствовал некоторое отчуждение.

– Рад слышать, что закат в чужом городе может заменить тебе меня, – сухо произнес он, пристально глядя на нее.

Ее ресницы на мгновение опустились, и, когда она снова посмотрела на него, ее глаза улыбались.

– Это шутка?

– Я никогда не шучу, – ответил Люк тем же сухим тоном, и Габриель рассмеялась.

– Ты уже закончил свои дела? – спросила она, отклонившись назад, когда он подошел ближе. Ее движение было едва заметным, возможно, даже неосознанным, но от него оно не укрылось. – В Европе сейчас уже довольно поздно.

– Я решил дать своим людям поспать, – сказал он. – Но лишь затем, чтобы завтра утром они начали работать еще усерднее.

Габриель скрестила руки на груди и плотнее закуталась в шарф, затем посмотрела вниз на огни города. Люк не замечал огней. Он видел только ее. Ему хотелось проникнуть в ее мысли, узнать ее секреты. Он признавал, что Габриель имеет над ним власть, какой не имела над ним прежде ни одна женщина, и хотел ближе ее узнать. Он был уверен, что со временем его интерес к ней пройдет.

– Ты хороший босс? – неожиданно спросила Габриель. – Они тебя любят?

Он посмотрел на нее с недоверием:

- Любят меня? - Он отвел назад плечи и нахмурился. - Я никогда об этом не думал. Мои служащие выполняют мои требования, в противном случае я подыскиваю им замену.

- В таком случае - нет, не любят. - В голосе Габриель слышалось веселье.

- Значит, вот как ты собираешься управлять своей страной? - спросил Люк с усмешкой. - С помощью своей популярности? Сомневаюсь, что подобная форма правления окажется эффективной.

- Между страхом и уважением есть различия, - ответила она, не обращая внимания на его резкий тон. - Хорошему правителю следует стремиться к последнему, а не к первому.

- Очень наивно, Габриель. Какое мне дело до того, любят меня мои подчиненные или нет? Пока они усердно работают, справляются со своими обязанностями и сохраняют лояльность, я их щедро благодарю. Если они хотят, чтобы их любили, пусть заводят себе домашних животных.

Брови Габриель изогнулись. Она была удивлена:

- Неужели тебе настолько безразлично их отношение? Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись тебе и выполняли свои обязанности? Ты так считаешь? Тебе этого достаточно?

Люк не понимал, почему ее так интересовали его отношения с сотрудниками.

- Я их начальник, Габриель, а не любовник.

- Я тоже тебе не любовница, - ответила она, яростно сверкнув глазами. - Я всего лишь твоя жена. Мне следует тебя ненавидеть? Бояться? Тебе не будет до этого никакого дела, пока я тебя слушаю?

Люк застыл на месте.

- Ты сравниваешь себя с моими служащими? - мягко спросил он. - У тебя помутился рассудок?

- Я не вижу никакой разницы, - ответила Габриель с холодной улыбкой. - Мне лучше с самого начала знать свое место.

Ее слова поразили его. Они были так похожи на те, что ее отец сказал ему в Париже. Словно она была животным или служанкой. Люк не знал, почему сейчас эти слова так его взволновали.

Он положил руки на плечи Габриель и притянул ее к себе. Она не стала сопротивляться и слегка откинула назад голову, чтобы видеть его лицо. И все же, несмотря на физическую близость, его жена находилась где-то далеко. Она была слишком спокойна и рассудительна, в то время как он хотел видеть ее неистовой, неуправляемой. Такой, какой она была в постели. С каждым днем его все больше раздражал образ безупречной, выдержанной хостесс. Когда они не занимались сексом, она держала его на расстоянии, и это приводило его в ярость.

- Я готов выполнить любое твое желание, - сказал Люк. - Даже продолжать наш глупый спор.

- Разве мы спорим? - мягко спросила Габриель. Ее лицо было непроницаемым. - Если так, то приношу свои извинения. Я просто хотела кое-что для себя прояснить.

- Но должен сказать, - продолжил Люк, проигнорировав ее слова, - у меня были на этот вечер совсем другие планы.

- Да?

На ее лице не дрогнул ни один мускул, и почему-то ее невозмутимость расстроила Люка. Разве не такую жену он себе искал?

Отстранившись, он засунул руку в карман брюк и, достав оттуда обтянутую бархатом коробочку, открыл ее и протянул Габриель.

- Небольшой подарок, - спокойно произнес он. Внезапно его охватило чувство неловкости, и он, по-прежнему держа коробочку с кольцом, пожалел о своем порыве, но все же нашел в себе силы сказать: - Надеюсь, тебе понравится.

Глава 12

Габриель казалось, что Люк хотел на нее накричать. Его лицо было хмурым, тон формальным. Будь на его месте другой мужчина, она приняла бы это за неловкость, даже робость. Даже ее вопрос о ее месте в его жизни не выбил Люка из колеи. Интересно, дело в процессе дарения или самом подарке?

Габриель посмотрела на кольцо, лежащее в коробочке, блеск которого мог соперничать с мерцающими огнями внизу. Подняв голову, она заглянула в глаза мужу, и от того, что она в них увидела, ее бросило в дрожь.

Люк не стоял перед ней на коленях, не говорил ей красивые слова. Он просто смотрел на нее. У нее перехватило дыхание. Дело не только в кольце, а в: том, как он его ей преподнес. Это было похоже на запоздалое предложение руки и сердца.

Габриель не понимала, почему это для нее так важно. Почему ее сердце готово выпрыгнуть из груди.

- Камень принадлежал моей матери. Оправа тебе бы не подошла, поэтому я заказал другую. - Достав кольцо из коробочки, Люк взял руку Габриель.

Она уже носила кольцо, которое он ей надел на безымянный палец во время свадебной церемонии, но это вызывало у нее совсем другие чувства. Возможно, потому, что она теперь лучше его знала. Он больше не был для нее чужаком.

В его большой ладони собственная рука показалась ей маленькой и хрупкой. Когда кольцо скользнуло по ее пальцу, у нее перехватило дыхание. Оно пришлось ей впору. Габриель подняла руку, чтобы им полюбоваться.

Крупный сверкающий бриллиант был прикреплен к простому платиновому ободку. Никаких излишеств. Кольцо полностью соответствовало ее вкусу. В распоряжении Габриель были фамильные драгоценности с многолетней историей, однако ни одно украшение не тронуло ее так, как это.

«Люку было не обязательно так поступать», - с удивлением подумала она. Они уже женаты. Его подарок показался ей таким... романтичным.

Но Люк Гарнье меньше всего походил на романтика.

- Оно очень красивое, - тихо произнесла Габриель.

Ей казалось, весь мир затих, и она слышит, как ее тело звенит от напряжения. Она не понимала, что породило волну чувств, которая захлестнула ее с головой.

Когда она наконец заставила себя посмотреть на Люка, в его глазах было столько огня, что она удивилась, как еще не сгорела дотла.

Его взгляд был пронзительным. Настойчивым. Все же интуиция подсказывала Габриель, что, несмотря на неприступный вид и суровый нрав, ее муж - человек ранимый. Новое открытие могло бы дать ей некоторую власть над ним, но вместо этого ей стало больно.

- Оно тебе идет, - так же тихо произнес Люк.

- Спасибо, - с трудом ответила Габриель, хотя ее душили слова, которые ей очень хотелось ему сказать. Тогда она подняла руку и, глядя ему в глаза, приложила ладонь к его щеке, на которой появлялась ямочка в те редкие моменты, когда он смеялся.

Она больше не пряталась от него и чувствовала себя уязвимой перед ним, как никогда. Это потрясло ее до глубины души, но она была не в силах отвести взгляд.

- Нас ждет машина, - сказал Люк через некоторое время, затем повернул голову и поцеловал ее ладонь.

Габриель томно вздохнула.

Он поднял руку и накрыл ее пальцы своей большой, сильной ладонью. При этом его губы изогнулись в озорной мальчишеской улыбке, от которой ее сердце учащенно забилося.

Она улыбнулась ему в ответ, и они отправились ужинать.

Уютно устроившись на заднем сиденье автомобиля, Люк просматривал сообщения на экране своего карманного компьютера и одновременно украдкой наблюдал за Габриель. Она поворачивала ладонь под разным углом, чтобы бриллиант отражал свет уличных фонарей. В тот момент, когда Люк убрал компьютер в карман, она положила руку на колени. Видимо, не хотела, чтобы он видел, что она любит его подарком.

- Наши планы изменились, - сказал он.

- Планы на вечер? - произнесла она невозмутимо.

Ему хотелось сказать что-нибудь саркастическое, чтобы посмотреть, сможет ли он проникнуть под маску ее внешнего спокойствия с той же легкостью, с какой ему это удавалось раньше. С каждым днем он все больше убеждался в том, что видел настоящую Габриель только в постели.

- Нет. Сейчас мы едем во французский ресторан в Марин-Каунти. Уверен, тебе там понравится.

- Не сомневаюсь, - с улыбкой сказала Габриель. Затем ее лицо приняло озорное выражение, которого он не видел на нем прежде. - Ты ведь наполовину француз. Должно быть, у тебя хороший вкус.

- Это верно, - ответил Люк. - Мне говорили, я чересчур разборчив даже для парижанина.

- В таком случае я не завидую шеф-повару, - поддразнила его жена, и у него потеплело на душе.

С одной стороны, Люк хотел, чтобы она продолжала так на него смотреть, с другой - он не привык к тому, чтобы его дразнили, и не знал, как на это отреагировать, не обидев Габриель. Безопаснее всего было перевести разговор на другую тему, что он и сделал.

- Я планировал на завтра поездку в Напа-Вэлли, - сказал он, отбросив непривычные чувства и сконцентрировавшись на фактах. - Красивое место. У меня там виноградники. Но у меня возникли неотложные дела в Лондоне. Нам придется уехать.

Какое-то время Габриель молчала. Между ее бровей не было складки, но Люк знал: она умело скрывает свое разочарование. Он подумал об их свадьбе и первой ночи в Лос-Анджелесе. Тогда в панике ей не удалось полностью скрыть от него свои чувства.

Сейчас он ощущал, как ока снова от него отдаляется. В этой женщине несколько миров, и не в каждый из них он мог проникнуть.

- Я не была в Лондоне с прошлой весны, - наконец сказала она. - Ты часто туда ездешь?

- Да, довольно часто.

- Я спрашиваю потому, что у меня там есть дом. Если хочешь, мы можем там остановиться.

Люк смутно припоминал, что в брачном договоре наряду с другим имуществом Габриель был указан дом в Белгравии. В данный момент его больше интересовали ее периодические возвращения к холодному формальному тону. Но по крайней мере, она перестала возмущаться тем, что он без предупреждения забрал все ее вещи из дома ее подруги. Может, за прошедший месяц, полный страсти, она смирилась с их браком? Он обнаружил, что не хочет ее об этом спрашивать. Причина нежелания была ему неясна.

- Я согласен, - сказал он, осознав, что Габриель ждет его ответа. - Не знаю, как долго нам придется там задержаться.

Он не хотел ее спрашивать, потому что боялся ответа? Люк сразу же отменил это предположение. С каких пор он начал бояться смотреть правде в глаза?

- Мы будем там находиться столько, сколько тебе понадобится. - Она снова улыбнулась. Искусственная вежливая улыбка, которой Габриель, несомненно, одаривала посторонних людей. Она привела его в ярость. - Перед отъездом я позвоню экономке.

Эта формальная беседа сводила Люка с ума. Ему хотелось проникнуть под ее безупречный фасад и найти правду. Если понадобится, вывести силой.

«Почему нет?» - подумал он. Стекла тонированы, от водителя их отделяла перегородка. Действительно, почему нет?

- Сними трусики, - промурлыкал он.

Глаза Габриель расширились, щеки залила краска.

- Прощу прощения? - Хрипотца в голосе указывала на то, что ее возмущение притворно. - Что ты сказал?

- Не важно, - пробормотал Люк. - Я сделаю это сам.

Опустившись перед ней на колени, он раздвинул ее длинные стройные ноги, скользнул по ним ладонями, затем коснулся губами ее колена.

- Что ты делаешь? - прошептала Габриель.

- Туфли можешь не снимать.

Как же он устал от ее притворства! Ему не терпелось снова увидеть настоящую Габриель, такую, какой она была с ним в постели.

Запустив руки ей под платье, Люк, глядя ей в глаза, медленно стянул с нее кружевные трусики и бросил их на сиденье. Рот Габриель приоткрылся, но она не произнесла ни слова. Тогда он положил одну ногу себе на плечо и слегка отклонил назад ее корпус.

- Люк! - неистово воскликнула она. - Ты не можешь...

Но он не обратил на ее протест никакого внимания. Сначала он покрыл поцелуями внутреннюю поверхность ее бедра, затем приник губами к нежной розовой складке между ее бедер. Габриель напряглась под ним. Ее пальцы вцепились ему в волосы, ноги обхватили его плечи.

Затем кончик его языка проник в теплую влажную пустоту, в глубине которой таилось ее желание.

Он упивался ее вкусом до тех пор, пока она не заерзала под ним, тихо постанывая.

Эта женщина удовлетворила его взыскательный вкус. Она оказалась лучше парижских деликатесов. Он знал - ее дрожь и стоны не были притворными. Она не могла их спрятать за хорошими манерами.

Тогда он освободил ее и, взяв ее трусики, опустился на сиденье рядом с ней. Ее прерывистое дыхание было единственным звуком в салоне. Для него оно было самой прекрасной музыкой.

Она принадлежала ему. Целиком. Он больше не допустит, чтобы она что-то от него скрывала.

Габриель приоткрыла глаза. Ее веки были тяжелыми, взгляд затуманенным. Ему не нужно было спрашивать, удовлетворена ли она.

Бросив на него нервный взгляд, она протянула руку, чтобы забрать у него свои трусики.

- Не отдам, - сказал Люк, дерзко улыбаясь, затем взял маленький кусочек кремового кружева и засунул в карман брюк. - Мы оба за ужином будем думать о том, что под платьем у тебя ничего нет.

Габриель смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых по-прежнему было желание, словно она не знала, что ей делать теперь, когда он сорвал с нее маску...

Он чувствовал глубокое удовлетворение.

Глава 13

Деловых партнеров Люка - троих братьев, у которых он уже полтора года пытался купить сеть

отелей в странах Европейского союза, – Габриель удалось расположить к себе в первые же минуты встречи. Люк не знал, получилось ли это благодаря ее безупречным манерам, элегантному внешнему виду или чему-то еще, характерному для нее одной.

Как бы там ни было, она умело этим пользовалась. Она непринужденно болтала и смеялась с братьями Федерер и их женами за ужином в эксклюзивном лондонском отеле.

Сидя напротив нее, Люк поймал ее взгляд и с удовольствием отметил про себя, что он потеплел, хотя выражение ее лица не изменилось. Но он знал – ее взгляд обращен именно к нему, и это давало ему ощущение триумфа.

– Ваша жена настоящий бриллиант, – сказал Люку Франц Федерер, старший и самый влиятельный из братьев. Без его одобрения сделка заключена не будет. Только по этой причине Люк молча терпел то, как Франц пожирал глазами Габриель, которая в своем элегантном темно-синем платье была прекрасна, как никогда. – Кто бы мог подумать, что разборчивый Люк Гарнье найдет себе подходящую жену?

Люку было ясно: эпитет «разборчивый» вовсе не комплимент, а скрытая насмешка. Он вспомнил слова Габриель о страхе и уважении в бизнесе и впервые подумал, что она, возможно, права. Прежде его не особенно волновало различие между этими понятиями.

– Даже самая неприступная крепость должна когда-нибудь пасть, – ответил он, вертя в руке тонкую ножку бокала.

– Счастлив тот мужчина, которому судьба подарила шанс пасть к ногам прекрасной принцессы, – согласился Франц, кивая. – Какое благородство! Какая утонченность!

– Да, мне повезло, что я уже достаточно взрослый и могу по достоинству оценить и то и другое, – сказал Люк, с трудом сдерживая отвращение.

Что с ним творится? Ведь он всегда хотел иметь жену, которой восхищались бы другие мужчины. Ему повезло, он нашел, похоже, единственную женщину на свете, которая смогла привести в восторг этих обычно строгих и сдержанных людей. Тогда почему ему так хочется заехать старшему Федереру кулаком по физиономии?

– Брак не для молодых, правда, – произнес Франц, положив руку на свой выпирающий живот. Его жена, которая была моложе его по меньшей мере лет на двадцать, незадолго до этого ушла в дамскую комнату. Или знакомиться с симпатичным официантом, которому строила глазки? – Но он успокаивает мужчину. Особенно мужчину с такой репутацией, как у вас.

Люк уже много раз слышал подобное. Да, его боялись, потому что он был безжалостным. По-другому он просто не умел. Когда он хотел что-то заполучить – отели, земельные участки, компании... наконец, Габриель, – он твердыми шагами двигался к намеченной цели и рано или поздно добивался своего.

– О моей репутации в мире большого бизнеса ходят легенды, не так ли? – мягко произнес Люк, проигнорировав оскорбление. Желание заполучить отели все же было сильнее желания научить Франца Федерера хорошим манерам.

Габриель тем временем продолжала развлекать двоих младших братьев и их жен рассказами о своем детстве во дворце.

– Вы даже представить себе не можете, как я испугалась, когда чуть не разбила вазу из гордого

хрустала, играя в лошадку в гостиной... – Она театрально вздохнула. – Еще немного – и бесценное произведение искусства было бы потеряно навсегда. Я бы умерла со стыда.

Она преподнесла обыкновенную историю так, словно это было захватывающее приключение в духе героев Стивенсона. У Люка защемило сердце, когда он представил себе маленькую девочку, живущую в огромном дворце вдвоем с угрюмым деспотичным отцом. Наверное, Габриель ходила перед ним по струнке, и инцидентов вроде того, о котором она только что рассказала, было меньше, чем подразумевал ее тон. Как бы там ни было, ее слушатели пришли в восторг. Люк обнаружил, что тоже улыбается.

– Я должен выразить свои опасения. По-моему, вы не совсем подходите на роль владельца наших фамильных отелей, – продолжил Франц, вернув Люка к реальности. – Особенно учитывая недавний всплеск интереса к вашей персоне среди представителей желтой прессы. – Он печально покачал головой, при этом пристально наблюдая за реакцией Люка.

Несмотря на гнев, клокотавший у него внутри, Люк заставил себя улыбнуться. Он ненавидел желтую прессу. Ненавидел Сильвио Доминико и его гнусную братию всеми фибрами своей души.

Из-за выходки Габриель они оба оказались в когтях Сильвио. Но она это не планировала. Она просто запаниковала и сбежала. Люк ей верил. Если бы он поговорил с ней по душам после церемонии, утешил бы ее, всей этой истории можно было бы избежать. Он во всем винил себя самого.

– Полагаю, вы, как человек разумный, не верите тому, что пишут эти шелкоперы, – произнес он небрежным тоном, словно его это не касалось. – Ради наживы они выдумывают всякие небылицы об известных личностях.

– Сегодня все цивилизованные люди возмущаются их беспринципностью, – сказал Франц, покачивая головой с наигранным сочувствием, – и тем не менее продолжают их читать.

– Они настоящее бедствие. Делают чудовищ из ни в чем не повинных людей. Мы с Габриель собирались провести медовый месяц в Калифорнии, но у меня неожиданно возникли неотложные дела, и она отправилась туда одна. Я присоединился к ней позже, и мы отлично отдохнули вместе. Истории о моей погоне за сбежавшей женой – сказки. Уверяю вас, за свою жизнь я совершил всего один скандальный поступок, и он остался в далеком прошлом. К сожалению, эти гнусные твари так не считают.

– Думаю, ваша жена хорошо на вас влияет, – произнес Франц покровительственным тоном.

Люк стиснул зубы и сосчитал про себя до десяти. Нужно еще немного потерпеть, если он хочет, чтобы чертова сделка состоялась.

– Я был бы рад так думать, – сказал он.

– Вы выглядите более уравновешенным, и вам это идет.

Вот нахал! Ведет себя так, словно их связывают дружеские отношения.

– Это хорошо для мужчины, находящегося на пороге сорокалетия. – Франц улыбнулся. – И пойдет на пользу нашему делу.

– Рад, что вы так считаете, – ответил Люк, протягивая ему руку.

Когда Франц ее пожал, Люк улыбнулся ему. На этот раз его улыбка была искренней.

Дело сделано, и все благодаря его жене.

Габриель снова встретилась с ним взглядом, и ее щеки порозовели. Люку не терпелось продемонстрировать ей свою благодарность.

После купающегося в солнечных лучах калифорнийского побережья Лондон казался промозглым и серым.

Туже затянув на голове шелковый шарф, Габриель под дождем направлялась по Бромптон-роуд к дверям «Харродс».

Оказавшись внутри, она сняла шарф и тряхнула его. На ней был легкий бледно-желтый плащ, который больше подходил для калифорнийской погоды, нежели для лондонской. По дороге от машины до знаменитого универмага она наступила в глубокую лужу и намочила ноги, но забыла об этой маленькой неприятности, как только вошла в «Харродс».

Убрав шарф в карман, Габриель расстегнула плащ и пошла по роскошным залам, в которых бывала уже много раз. Она понимала, что вся эта красота нужна для привлечения туристов, но не могла заставить себя разлюбить «Харродс». Приезжая в Лондон, она находила время, чтоб заглянуть в этот магазин, побродить вдоль витрин с позолоченным обрамлением, полюбоваться высокими потолками и мраморным полом. Если ее в поездке не сопровождал отец, она покупала домой пакет со сладостями, мечтая о пикнике на природе. К сожалению, мечты не сбывались, и ей приходилось лакомиться всем этим в своей комнате. Она вспоминала о том, как гувернантка водила ее сюда, пока ее отец занимался государственными делами. Ей нравилось бродить по «Харродс», а потом пить в кафе чай со сливками. Это были одни из ее самых радостных воспоминаний о детстве.

- Боже мой, я не верю своим глазам. Это же несравненная миссис Гарнье, - раздался у нее за спиной протяжный голос.

Вздрыгнув, Габриель повернулась и уронила кожаные перчатки, которые рассматривала.

Она сразу узнала мужчину. Это был папарацци, который разозлил Люка в Лос-Анджелесе. Сильвио. Он слегка наклонился. От его седеющей бороды пахло сигаретами, джинсы и спортивная куртка были насквозь мокрыми. Габриель заставила себя скрыть отвращение. Любое неосторожное замечание могло быть превратно истолковано и обращено против них с Люком.

- Приношу свои извинения, ваше королевское высочество, - продолжил мужчина, холодно глядя на нее, - если я вам помешал. Просто вы выглядели такой печальной. Такой одинокой.

- Вовсе нет, - ответила Габриель, обнаружив, что на этот раз изображать на лице улыбку ей труднее, чем обычно. - Уверю вас, я просто замечталась. В детстве я часто здесь бывала. - Она вопросительно посмотрела на него. - Мы с вами уже встречались?

- Ваш супруг не представил нас друг другу тогда в Лос-Анджелесе, - ответил Сильвио, нависая над ней. В его растрепанных кудрях цвета соли с перцем блестели капли воды. - Но я уверен, вы отлично помните нашу встречу у ресторана «Айви». Наверное, тем вечером ему было что скрывать.

- Скрывать? - повторила Габриель. Этот человек явно ненавидел Люка. Ненависть была видна в каждой черте его обветренного лица. Она обнаружила, что испытывает то же самое к Сильвио. - Думаю, вы ошибаетесь, - добавила она, непринужденно рассмеявшись. - В Калифорнию мы ездили в свадебное путешествие, так что не нужно ничего выдумывать. Мой муж не любит афишировать свою частную жизнь.

- Люди, не любящие афишировать свою частную жизнь, не ужинают во время медового месяца в «Айви», ваше королевское высочество, - возразил репортер с циничной улыбкой. Он стоял так близко, что Габриель заметила желтые пятна никотина на его зубах. Ей пришлось прижаться спиной к витрине, чтобы создать между ними дистанцию. - Если, конечно, они не хотят, чтобы их все видели.

- Вы так и не назвали мне ваше имя, - произнесла Габриель, чтобы выиграть время и собрать воедино остатки самообладания. Она была намерена оставаться вежливой даже несмотря на то, что ей хотелось убежать подальше от этого мерзкого типа.

- Я Сильвио Доменико, - произнес он, поклонившись. Его ледяной взгляд сверлил ее. - Мне вас жаль, - добавил он после небольшой паузы.

- Не понимаю почему, - ответила девушка. - А теперь прошу меня простить. У меня много...

- Не думаю, что вам следует бежать сейчас, если вы не хотите, чтобы частная жизнь вашего мужа стала достоянием общественности.

- О чем вы, черт побери, говорите? - спросила Габриель, проявив нетерпение.

Сильвио опять придвинулся ближе. В его глазах появился лихорадочный блеск, и это не предвещало ничего хорошего. Ни для нее, ни для Люка.

- Последняя любовница Люка оказалась разговорчивее, чем следовало, - довольным тоном произнес Сильвио. - Вам ведь известно, что ваш муж со всеми, с кем имеет дело, заключает соглашение о конфиденциальности. Хочешь покувыркаться в постели с Люком Гарнье - сначала пообещай в письменном виде, что никому об этом не расскажешь. Таковы правила. Он всех своих женщин заставлял подписывать такие бумаги.

Он с самодовольным видом ждал ее реакции, уверенный, что ему удалось больно ее задеть. Но как ни противно Габриель было слушать о любовницах Люка и договорах о конфиденциальности, она не стала это открыто выражать. Она сомневалась, что Люк заставлял своих женщин подписывать какие-то документы. Они бы и так не осмелились продать прессе секреты Люка Гарнье.

- Это кажется вполне разумным, учитывая тот факт, что вы с вашими коллегами ездите за ним по всему земному шару, - спокойно ответила она.

- Ваше молчание он, видимо, тоже купил?

- Разговор окончен, - произнесла Габриель ледяным тоном и направилась к выходу, но Сильвио схватил ее за руку и остановил.

Она возмущенно уставилась на него. Как он только посмел к ней прикоснуться?

- Уберите руку! Немедленно!

- Разумеется, вы слышали о Розалинде? - как ни в чем не бывало продолжил Сильвио, но ее руку отпустил. Он понизил тон, и его голос стал еще более отвратительным. - Первая красавица Италии. Когда Люк с ней расстался, в обществе поднялся такой шум.

Розалинда Джаккино была итальянской кинозвездой и всемирно признанной красавицей. Ее блестящие черные волосы и роскошные формы сводили мужчин с ума. Она действительно была последней любовницей Люка. Габриель узнала об этом, когда наводила о нем справки за несколько недель до свадьбы, и определенно не хотела разговаривать с этим мерзавцем о бывшей любовнице своего мужа. Еще меньше она хотела представлять себе Люка в объятиях секс-бомбы.

Габриель сказала себе - думать об этом глупо. Если бы Люк что-то испытывал к Розалинде, он бы уже давно на ней женился. Вместо этого он искал себе невесту по всему земному шару и в конце концов остановил свой выбор на Габриель.

Но сейчас ей было некогда размышлять о своем браке. Она оказалась в ловушке в отделе кожгалантереи, и ей придется выслушать Сильвио, если она не хочет устраивать сцен. Он в любом случае все ей скажет, поэтому лучше пусть сделает это без зрителей.

- Чего вы хотите? - спокойно спросила Габриель, понимая, что отныне с «Харродс» у нее будут связаны не только счастливые детские воспоминания.

- Речь идет не о том, чего хочу я, а о том, чего захотите вы, когда узнаете, что мне известно о Розалинде и вашем муже. - Сильвио произнес последнее слово так, словно оно было грязным ругательством.

- Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы говорить со мной о бывших любовницах? - невозмутимо произнесла Габриель. - Должна признаться, они меня не интересуют. - Она пожала плечами. - Мне жаль, если я вас разочаровала. Было приятно с вами пообщаться, но я действительно должна...

- Не надо меня недооценивать, ваше королевское высочество. - Тон мужчины стал ледяным, взгляд - испепеляющим. - Не думаю, что вы будете так же невозмутимы и высокомерны, если я продам свою информацию в газеты.

Габриель охватило нехорошее предчувствие, но она по-прежнему держала себя в руках.

- Какую информацию?

- Одну очень интересную запись. - Сильвио рассмеялся, и она почувствовала запах табака, смешанный с запахом лука.

- И что за запись? - процедила она сквозь зубы. Омерзительный тип засунул руки в карманы джинсов и самодовольно ухмыльнулся.

- Ваш муж, - ответил он. - И Розалинда. - Он помедлил. - Видите ли, эта красотка любит снимать себя на камеру во время любовных утех. Поздравляю, ваше королевское высочество, ваш муж определенно знает в этом толк. - Он присвистнул, и покупатели, находящиеся поблизости, посмотрели на него. - Поверьте мне, он звезда этого шоу. У него большой талант.

- Не говорите ерунды, - холодно произнесла Габриель. - Люк никогда бы не позволил, чтобы его записывали на пленку в такой ситуации.

- А кто сказал, что она спрашивала у него разрешение? - Его мерзкая улыбка сделалась еще шире.

Габриель уставилась на него широко распахнутыми глазами. Она была потрясена. Люди вокруг нее ходили туда-сюда, за окном ездил машины, словно ничего не произошло.

«Бедный Люк, - подумала она. - Это его убьет».

- Зачем вы мне все это говорите?

- Если вы не хотите увидеть в завтрашнем вечернем эфире ролик с участием вашего мужа и его бывшей любовницы, вам лучше вести себя со мной повежливее, - с циничной усмешкой ответил папарацци.

- Чего вы хотите? - напряженно спросила Габриель. Она так сильно сжала руки в кулаки, что ногти впились в ладони.

- Чтобы вы пришли сюда завтра в одиннадцать утра с десятью тысячами фунтов, - ответил Сильвио с дьявольским блеском в глазах. - Всего десять тысяч - и запись ваша. Если вы приведете кого-то с собой или все расскажете Люку, я продам запись по более выгодной цене, и завтра вы увидите своего мужа по телевизору вместе с остальным миром. Ну, договорились?

Габриель могла только ошеломленно на него смотреть.

- В таком случае увидимся завтра, дорогая, - сказал Сильвио и, довольно рассмеявшись, удалился.

Глава 14

Откинувшись на спинку стула, Люк пристально смотрел на Габриель своими выразительными темными глазами.

- Что-то ты сегодня немногословна, - заметил он, когда официант унес грязную посуду.

Габриель боялась, что Люк заглянет в глубь нее и прочтает ее мысли. Он был таким мужественным. Безупречно скроенный пиджак подчеркивал ширину его плеч. Когда она нашла в себе силы и встретила с ним взглядом, его губы изогнулись в нежной улыбке. Нежность... В день их свадьбы она не думала, что он на нее способен. Сейчас его улыбка затмила для нее всю роскошь обеденного зала в лондонском «Риде».

- Думаю, мне не хватает солнца. - Говорить спокойным, непринужденным тоном ей сейчас было труд но, как никогда. - Хотя это место в яркости мало ему уступает. - Габриель имела в виду позолоченную отделку на предметах интерьера, хрустальные люстры и свечи на столах, благодаря которым знаменитый ресторан был даже поздним вечером наполнен золотистым светом.

Она понимала - ей следовало все ему рассказать. Она должна была позвонить ему сразу после своего разговора с папарацци. У нее была возможность с ним поговорить, когда они одевались для ужина, по дороге из ее дома в Белгравии в «Риц» и сейчас в ресторане.

Всякий раз, когда Габриель открывала рот, чтобы рассказать ему о своей встрече с Сильвио, она понимала, что не может этого сделать. Это причинило бы Люку сильную боль. Самый страшный из его кошмаров близок к тому, чтобы стать явью. Ее муж был готов пойти на все,

чтобы избежать внимания желтой прессы. Разве не поэтому он так на нее разозлился за ее побег?

Габриель уже давно не испытывала страха перед своим мужем. Она лишь боялась причинить ему боль. А это непременно произошло бы, расскажи она ему о планах Сильвио. Он пришел бы в ярость и, воз можно, даже стал бы угрожать папарацци, но это не избавило бы его от боли.

Эта мысль поразила ее. Когда она начала понимать своего мужа?

- Солнечный свет в Лондоне среди дождя и холода? - пробурчал Люк, но его взгляд, обращенный к ней, был полон нежности. - Подозреваю, что ты более романтична, чем кажешься.

- Романтична? - Она улыбнулась. - Это невозможно. Разве, живя столько лет под одной крышей с моим отцом, можно стать романтиком? Во мне нет ни капли романтичности.

- Может, проверим?

Когда Люк поднялся и протянул ей руку, она сначала посмотрела на него в замешательстве, но быстро все поняла и рассмеялась.

- Ты хочешь со мной потанцевать? - спросила она. - Здесь?

Элегантные пары на танцполе покачивались в такт музыки, которую играл оркестр, но Габриель не могла представить их с Люком среди толпы. Это было так непрактично. Так... не похоже на Люка.

- Почему нет? - спросил он. Его серые глаза весело блестели.

- Может, романтик здесь не я, а кое-кто другой? - пробормотала Габриель и вложила свою руку в его.

В последний раз они танцевали на своей свадьбе, но тогда она из-за хаоса противоречивых чувств у нее в душе многое оставила без внимания. Она помнила, как он вывел ее на танцпол и притянул к себе. Как она наткнулась на внушительную стену его груди и почувствовала себя в ловушке.

Сейчас ничего подобного она не испытывала. У нее перехватило дыхание, когда она откинула назад голову и посмотрела на суровое мужественное лицо, которое вдруг стало для нее дороже и нужнее, чем прекрасные горы, на которые она смотрела все свое детство.

- В последний раз мы танцевали на нашей свадьбе, - произнесла она внезапно охрипшим голосом.

- Я помню. Я был там и, в отличие от некоторых, даже остался.

Его тон был шутливым, и Габриель улыбнулась:

- А я помню, как ты читал мне лекцию о браках по политическим соображениям. - Она провела ладонью вниз по его руке, и его мышцы напряглись. - Думаю, ты хотел подчинить меня себе.

- Но похоже, перестарался и вынудил тебя сбежать на другой конец земного шара.

- Во время своей следующей свадьбы, - поддразнила его Габриель, - лучше разговаривай со

своей женой, а не читай ей лекции. Я только советую, – поспешно добавила она, когда его глаза угрожающе сузились, – поскольку знаю, что ты перфекционист и любишь сам все доводить до совершенства.

– Осторожнее, Габриель, – предупредил ее Люк. Его темные глаза опасно сверкнули.

Она не знала, что вызвало у него такую реакцию, ее поддразнивание или мысль о повторном браке. Почему-то ей хотелось, чтобы это было второе.

– Неужели я не могу поддразнить собственного мужа? – мягко сказала она, улыбаясь.

– Я бы предпочел, чтобы мы дразнили друг друга в более уединенном месте, – промурлыкал Люк.

Представив себе, как они сначала ласкают друг друга губами и руками, а затем, слившись воедино, покачиваются в ритме страсти, Габриель томно вздохнула.

– Не играй со мной, если не можешь довести игру до конца. – Его лицо было серьезным, но в глазах горели искорки смеха.

Этот мужчина не знал значения слова «нежность». Он привык не дразнить, а уничтожать. У него было тело непобедимого воина и стальной характер, не позволяющий ему останавливаться перед трудностями. К каждой сделке он готовился как к решающему сражению. Их брак был для него не чем иным, как новым вызовом, новой битвой. Одним словом, он напоминал мощную беспощадную машину, движущуюся к намеченной цели. Он не умел по-другому.

Габриель не могла причинить Люку боль, не могла рассказать об угрозах Сильвио. Ее переполняло желание защитить его, оградить от страданий.

И в этот момент она все поняла. Правда настигла ее так неожиданно, что кровь отхлынула от ее лица, внутри все сжалось в комок. Ее ноги подкашивались, но, к счастью, она находилась в сильных руках.

– Что такое? – спросил Люк, нахмурившись. – Ты выглядишь так, словно увидела привидение.

– Со мной все в порядке, – пробормотала Габриель и зарылась лицом в его плечо, потому что впервые в жизни не смогла заставить себя улыбнуться.

Ведь она поняла, что влюбилась в своего мужа.

Когда Габриель повторила это про себя, у нее закружилась голова, а сердце забилося так сильно, словно было готово выпрыгнуть из груди.

Ну разумеется. Как только она могла принимать любовь за что-то другое? Как столько времени скрывала от самой себя правду?

– Посмотри на меня, – потребовал Люк. Габриель с трудом подчинилась и подняла голову. Когда он пронзил ее взглядом, она наконец поняла, что испытывает вовсе не страх, а безумный восторг. Это была любовь сильная и бескомпромиссная.

Она любила его.

– Я в порядке, – заявила она ему и наконец улыбнулась. – Честное слово.

- Может, тебе лучше присесть? - Люк уже начал двигаться к их столику, прижимая ее к своей сильной груди. В его голосе слышалась забота, и Габриель с трудом сдержала слезы. Ее переполняли эмоции.

- Нет, - сказала она. - Я хочу танцевать. Со мной правда все в порядке. Наверное, я просто немного устала.

Люк долго на нее смотрел, и она уже начала думать, что он собирается увести ее с танцпола, но, к счастью, он ее послушался.

Они продолжали скользить по площадке под музыку оркестра.

Она любила его.

Ее тело знало это с того самого момента, когда она впервые увидела его в церкви. У нее перехватило дыхание, кровь забурилась в жилах, но она хотела его с самого начала, несмотря на то что не знала его, что он ее пугал. Но ее тело знало все с самого начала.

Габриель называла это слабостью, безумием, пыталась от него защититься, но все без толку. Она хотела его.

Но больше всего она хотела защитить Люка от страданий, поэтому не могла рассказать ему о своей встрече с Сильвио. Она выполнит требования этого мерзавца, Люк никогда не узнает о записи. Она защитит его от того, чего он больше всего на свете боялся.

Посмотрев на его лицо, словно высеченное из камня, Габриель поняла, что будет его любить до конца своих дней. Десять тысяч фунтов - слишком маленькая цена. Чтобы защитить Люка от боли, она бы с радостью отдала все, что у нее есть.

- А теперь ты улыбаешься, - сказал Люк. - И на этот раз твоя улыбка настоящая.

- Поехали отсюда, - ответила она, улыбаясь еще шире. - Думаю, я готова подразнить тебя в более уединенном месте.

Глава 15

Гарнье не имел ни малейшего намерения играть в безумные игры Сильвио Доменико. Когда папарацци позвонил ему в полдесятого утра, он сказал этому гнусному типу, что ему следует сделать со своими грязными сплетнями.

Вот только полтора часа спустя Люк все равно отправился в «Харродс». Он был зол на самого себя. Он даже представить себе не мог, чтобы Габриель сделала то, о чем рассказал ему Сильвио. Сама идея была абсурдной. Габриель, которую ничто не связывало с желтой прессой, не могла продать Сильвио пикантные фотографии, сделанные ею украдкой в Калифорнии.

Это было нелепо, и все же он ушел посреди деловой встречи и поехал на такси в «Харродс», чтобы убедиться, что старый знакомый ему солгал.

Как это ничтожество посмело очернить доброе имя его жены?

Прошлой ночью Габриель удивила его своей смелостью и раскрепощенностью. При одном воспоминании об этом символ его мужского естества напрягся. Их близость была особенной. Габриель занималась с ним любовью как в последний раз. Он не понимал причину, но отвечал

на ее ласки. Разве могло быть иначе? Очевидно, она его околдовала. Другого объяснения он не находил. Он выбрал ее себе в жены, ведь она соответствовала всем его требованиям, но не ожидал, что будет так сильно ее желать. Он никак не мог ею насытиться, и это его беспокоило. Находясь рядом с Габриель, он едва узнавал себя. Он... желал. Желал того, чему не хотел искать название.

Придя в условленное место, он, подобно ненавистным папарацци, заглянул за стеклянный шкаф с товарами. Зачем он здесь? Что такое может показать ему Сильвио, чтобы он изменил свое отношение к Габриель?

- Я должен сказать вам правду о вашей жене, мой друг, - послышался утром в его трубке голос Сильвио.

- Как ты узнал номер? - с отвращением спросил Люк.

- Разве это имеет значение? - Сильвио самодовольно рассмеялся.

- Разговор окончен, - отрезал Люк. - Я подам на тебя в суд за вмешательство в мою частную...

- Она пришла ко мне с пикантными фотографиями, на которых вы вдвоем, - бесцеремонно перебил его Сильвио. - Они сделаны во время вашего медового месяца, не так ли? Вероятно, вы очень гордитесь своей женошкой. Должен сказать, у нее отличное тело.

- И ты думаешь, я поверю в то, что моя жена хочет продать тебе фотографии? - усмехнулся Люк.

- А почему она не может заработать немного денег? Чем она хуже других? - произнес Сильвио язвительным тоном. - Вам повезло, что принцесса пришла ко мне. Обратись она к кому-то другому - и вы бы вместе со всем остальным миром увидели эти снимки в ночном выпуске новостей. Не хотите мне верить, как хотите. По крайней мере, я вас предупредил.

Сейчас, полтора часа спустя, Люк понимал - его первая мысль была правильной. Ему не следовало здесь появляться. Он знал - Габриель никогда бы не пошла на такую низость и тем более не стала бы иметь дело с подонком вроде Сильвио.

Скорее всего, Сильвио сейчас где-нибудь притаился и снимает его, а завтра какая-нибудь желтая газетенка напишет, что Люк Гарнье встречался с любовницей в знаменитом лондонском универмаге, или что-нибудь еще более гнусное. Кто знает, как далеко простиралась фантазия этого продажного мерзавца?

Почувствовав отвращение к самому себе, Люк собрался уходить, но увидел ее и застыл на месте.

Войдя в зал, Габриель огляделась по сторонам и направилась в его дальний конец. Во всем белом она была очень элегантна, как и полагалось будущей королеве.

«Что она здесь делает?»

Ответ был уже известен Люку, но он не хотел верить своим глазам.

Мгновение спустя из-за угла появилась другая фигура. Сильвио.

Их встреча длилась считанные секунды. Габриель протянула Сильвио конверт и взамен

вырвала у него из руки другой. Они обменялись несколькими словами, после чего она развернулась и ушла, не оглядываясь.

Посмотрев в сторону Люка, Сильвио дерзко улыбнулся и пожал плечами, но тот его едва заметил. Он чувствовал себя так, словно его пронзил насквозь острый зазубренный нож. Внутри у него все разрывалось, кричало от боли. Это чувство было хорошо ему знакомо. Он испытывал его, когда был ребенком. Тогда его вызывали ложь, домыслы, клевета. Вся эта грязь, которой поливали его родителей, попадала на него и приставала надолго.

На сей раз во всем виновата Габриель. Не его родство с четой Гарнье, которая навсегда осталась загадкой для собственного сына, а его жена. Та, которую он выбрал потому, что она казалась не способной на подобную низость.

Ему не следовало доверять ее публичной маске. Образу скромной, добродетельной принцессы, который продолжил вводить его в заблуждение даже после того, как он разыскал свою сбежавшую жену на другом конце земного шара. Она не лучше его эгоистичной матери. Разве он не знал об этом с самого начала? Разве не ожидал подобного поведения от всех женщин, с которыми встречался до нее? Чем красивее женщина, тем больше пакостей следует от нее ожидать. Разве он не усвоил еще в детстве эту простую истину?

До тех пор пока он не увидел ее с Сильвио, он даже не представлял, насколько она стала ему дорога. Всю свою сознательную жизнь Люк подавлял свои чувства, но на сей раз не смог уберечь свое сердце. Он это осознал в тот момент, когда оно напомнило ему о своем существовании невыносимой болью, словно открытая рана, которая никогда не затянется.

* * *

Габриель поняла, что что-то случилось, в тот момент, когда вошла в гостиную и увидела Люка. Застыв на месте, она уставилась на него.

Он сидел у камина, вытянув перед собой длинные ноги и положив руку на спинку дивана, который в его присутствии казался меньше обычного. На нем были черные брюки и темно-серый свитер, облегающий широкую грудь. Он выглядел спокойным и расслабленным, но Габриель чувствовала – это лишь видимость. Когда он посмотрел на нее, его серые глаза казались почти черными. Их взгляд пронзил ее подобно ледяной игле, а по спине пробежала дрожь.

Габриель не видела его таким с тех самых пор, как он появился на пороге дома Кассандры. Но даже тогда его глаза не смотрели на нее с такой враждебностью.

- Что-то случилось? - спросила она, подойдя к нему и сев в плюшевое кресло напротив.

Люк не ответил. Он продолжал пристально на нее смотреть, словно пытался прочитать ее мысли. Его лицо было непроницаемым. Он снова превратился в опасного неприступного незнакомца, которого она испугалась в день их свадьбы.

До этого момента она не осознавала, насколько мягче и доступнее он стал за прошедшие недели.

- Ты хорошо провела день? - спросил он ровным, ничего не выражающим тоном, но Габриель чувствовала, что это лишь затишье перед бурей.

- Да, спасибо, - машинально ответила Габриель привычным вежливым тоном. - Я встречалась

за ленчем со старыми друзьями. Было весело. А как прошел твой день?

Его рот искривился, взгляд резанул ее подобно острому ножу, и Габриель почувствовала, как ее щеки заливают краска.

- Я тоже встретил старого друга, - пробормотал он, затем наклонился вперед и, глядя ей прямо в глаза, спросил: - Окажи мне любезность и будь со мной честна хотя бы сейчас, Габриель. Скажи, где они?

- Кто? - произнесла она в замешательстве. Он думает, она с ним нечестна? Габриель снова почувствовала себя неуютно рядом с ним. Ей казалось, подобного больше не случится, но, очевидно, ее поцелуи и ласки не растопили лед в его сердце.

- Мои друзья? - спросила она, не дождавшись его ответа. - На самом деле это мои дальние родственники. Мы встретились в Челси.

- Я спрашиваю не о твоих друзьях.

Его тон был таким резким, что ее передернуло. Габриель приказала себя сохранять спокойствие.

- Почему бы тебе не рассказать мне, что произошло? - спросила она. - Ты выглядишь таким...

Она осеклась. Что она могла ему сказать? «Ты выглядишь таким же холодным и неприступным, как когда-то? Таким ты был до того, как я поняла, что люблю тебя, поверила, что мы сможем сделать наш брак счастливым?» Сейчас был явно не самый подходящий момент для подобных откровений.

- Тебя не должно волновать, как я выгляжу, - отрезал Люк, источая опасность каждой клеточкой своего тела. - Тебе следовало бы больше беспокоиться о том, что я собираюсь сделать.

Габриель прищурилась. Очевидно, он ей угрожает. Но почему? В чем она перед ним провинилась? Она подумала о своей встрече с Сильвио в «Харродс», но даже если Люк о ней и узнал, то почему злится на нее? Ведь она сделала все, чтобы ему помочь.

- Не понимаю, что ты имеешь в виду, - сказала она, сложив руки на коленях и выпрямив спину.

- Думаешь, твои хорошие манеры тебе помогут? - презрительно усмехнулся Люк, буравя ее ледяным взглядом. - Думаешь, сможешь опять меня одурачить?

- Люк, пожалуйста. - Габриель вгляделась в лицо мужа, но тот Люк, которого она начала для себя открывать в последнее время, исчез, и его место занял безжалостный незнакомец, от которого она сбежала в день свадьбы. Ее сердце бешено заколотилось в панике. - Я не смогу ответить на твой вопрос, пока ты не объяснишь, что происходит.

- Где они? - прорычал он, заставив ее вздрогнуть.

- Я не понимаю...

- Фотографии, - яростно бросил он.

- Фотографии? - Габриель пристально уставилась на него. Он спятил? Она не имела ни малейшего понятия, о чем речь. - Какие еще фотографии?

Люк поднялся с дивана. Внутри у Габриель все упало, но он не подошел к ней. Она не знала, хорошо это или плохо. Он стал ходить взад-вперед по комнате, словно грациозный хищный зверь по клетке. Тогда она тоже поднялась, решив, что так станет менее уязвимой.

- Фотокамера, вероятно, была портативной и автоматической, - произнес Люк в пустоту. - Номера в отелях бронировал я, поэтому в твоём распоряжении было всего несколько минут, чтобы ее установить. Но я не могу найти ни чертов фотоаппарат, ни снимки. - Повернувшись, он посмотрел на нее с презрением. - Но ты уже получила что хотела, не так ли? Твой финальный протест против меня и деспотичного отца удался тебе на славу. Несколько щелчков фотокамеры - и готово.

- Люк, - твердо произнесла Габриель. - То, что ты сейчас говоришь, лишено всякого смысла.

Его глаза горели от ярости, и эта ярость была устремлена на нее.

- Неужели? - процедил он сквозь зубы. - Позволь мне сказать тебе, что не имеет смысла для меня в этом деле. Зачем тебе понадобились деньги? У тебя же полно собственных. А даже если бы у тебя их не было...

- Деньги? - Габриель ошеломленно покачала головой. - Думаешь, мной двигала жажда наживы, словно я какая-то там...

- Даже если бы у тебя их не было, - повторил он, проигнорировав ее слова, - у меня их более чем достаточно, чтобы дать тебе все, что ты захочешь. Значит, дело тут не в деньгах. Тогда в чем? Разве ты недостаточно известна? Разве тебя мало фотографируют? А может, ты стремишься к легкой славе, как у бесталанных взаимозаменяемых старлеток, популярных лишь благодаря своим скандальным выходкам? Или это просто был акт протеста со стороны послушной принцессы? Скажи мне! - потребовал Люк, подойдя ближе, но остановившись на расстоянии вытянутой руки от нее.

Он боялся причинить ей боль, или не хотел к ней прикоснуться? Или, может, думал, что, если он ее коснется, гнев превратится в желание?

- Нет, мне не нужно ничего из того, что ты перечислил, - спокойно ответила Габриель.

- Сначала я просто хотел тебя уничтожить, - произнес он почти нежным тоном, хотя его глаза опасно сверкали. - Вышвырнуть тебя и покончить со всем этим фарсом. Но я не мог понять твоих мотивов.

- Что я, по-твоему, сделала? - спросила она, не в силах пошевелиться. Каждый вдох и выдох причинял ей боль.

- Я знаю, что ты сделала, - горько произнес Люк, качая головой. - Но ты оказалась девственницей. - Он издал циничный смешок. - Это ты точно не могла подделать. Не знаю, почему я приравниваю девственность к честности. Возможно, ты все спланировала с самого начала.

Его ледяной тон и жестокие слова больно ее ранили. Ей захотелось бросить в ответ что-нибудь обидное, но она не смогла ничего придумать.

- Есть кое-что, о чем я тебе не рассказывала, - произнесла она, призвав на помощь все свое самообладание. - Но даже если бы ты об этом и знал, у тебя не было бы оснований так на меня злиться. Я думала, что поступаю правильно.

- Неужели?

Прозвучало так, словно ему неинтересно ее слушать, но она знала – он лишь изображал скуку.

- Да, – ответила Габриель, чувствуя, что ее смущение растворяется в гневе. Как он смел так с ней разговаривать после всего, что между ними было? Кажется, это он притворился с самого начала.

- И ты называешь свой поступок правильным? – В его тоне было столько сарказма, что ей захотелось залепить ему пощечину. – И можешь сказать мне это прямо в глаза?

- Да, – твердо произнесла Габриель, вскидывая подбородок.

Он мог отправляться ко всем чертям со своей яростью и своими возмутительными подозрениями. Да кем он себя возомнил? Но больше всего ее злило то, что она была в него влюблена.

Ее руки сжались в кулаки.

- Разумеется, я думала, что поступаю правильно. Зачем еще мне было встречаться с Сильвио?

Глава 16

- Значит, ты это признаешь. – Люк не верил своим ушам. Не верил, что она оправдывает свой поступок. Внутри у него все кипело от ярости. Ему казалось, пол ушел у него из-под ног, и он проваливается в бездну. – Ты даже не пытаешься лгать, чтобы себя защитить? Ты открыто заявляешь о содеянном? – Ее глаза потемнели, губы сжались в тонкую линию.

- Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. – Габриель скрестила руки на груди. Собиралась она с духом или защищалась от него, он не мог сказать. Зачем было устраивать этот допрос? Почему ты сразу, не мог мне сказать, что все знаешь?

- Значит, вот как ты мне отвечаешь? – Люк был так на нее зол, что кровь стучала у него в висках. У него больше не осталось сомнений – Габриель все заранее спланировала. – Защищаешь свои низкие, отвратительные поступки, которыми унизила нас обоих?

- Я думала, что помогаю тебе! – неистово выпалила она, забыв о правилах хорошего тона.

Этой еще больше его разозлило. Значит, ее манеры с самого начала не были безупречны.

Чувства, которых он избегал всю свою взрослую жизнь, захлестнули его мощной волной. Они были такими же мучительными, как раньше. Гнев. Боль. Разочарование. Горечь. Люк отчаянно пытался удержать их внутри за привычным фасадом внешнего спокойствия, но было уже слишком поздно. Внезапно он осознал, что они с Габриель похожи: оба скрывали слишком много всего за маской внешней невозмутимости.

«Какое значение это имеет теперь?» – горько спросил себя Люк. Он доверился Габриель, женился на ней, а она оказалась такой же, как другие женщины. Такой же, как его лицемерная мать. Нет, еще хуже. Потому что он считал ее лучше, чем она была на самом деле. Потому что она каким-то образом убедила его в том, что понимает его.

- Ты помогала мне? – Он поспешно отвернулся, чтобы не сделать что-нибудь, о чем потом бы искренне жалел. Например, продемонстрировал бы ей все те чувства, которые не хотел

испытывать, во всем их безобразии. Нет, он не мог показать ей свою уязвимость. Тем более после того, как она его предала.

- Да, я действительно думала, что помогаю. - Она выдохнула. - Зачем еще мне было это делать?

Когда он снова повернулся, чтобы посмотреть на нее, она терла кончиками пальцев складку между бровей. Ее глаза были огромными и темными, взгляд - настороженным, словно он ее чем-то обидел.

- Сильвио подошел ко мне вчера, - спокойно произнесла она. - Он сказал мне, что твоя быв... что у него есть запись.

- Прекрати! - приказал ей Люк, резко махнув ладонью в сторону, словно пытаюсь отделаться от ее слов. Переполюнявшие его чувства усилились и грозились прорваться наружу мощным потоком. - Я больше не могу слушать твою ложь!

- Ложь? - Габриель встретила с ним взглядом. В глубине ее глаз цвета морской волны были гнев, смущение и что-то еще.

- Я не знаю, что думаю обо всем этом, - сердито бросил он. - Мне ясно лишь одно: из-за тебя я стал всем тем, что так презираю. Сейчас я мало отличаюсь от моего отца, который плясал под дудку моей...

- Я не такая, как твоя мать, - перебила его Габриель. Ее тон был ровным, глаза серьезно смотрели на него.

- Из-за этой безрассудной страсти я перестал узнавать самого себя, - продолжил Люк, не обращая внимания на ее слова.

Да, она очаровала, околдовала его, а если говорить без обиняков, просто одурачила. Она играла с ним. С человеком, который всегда держался настороже. Она злоупотребила его доверием, и теперь его переполюняли гнев и обида. Он боялся, что, если эти чувства вырвутся наружу, они возьмут над ним верх. И он станет рабом своих эмоций, как когда-то его родители.

- Но больше это не так, - отрезал Люк.

Тогда она подошла к нему и, глядя на него с тревогой, протянула руку, чтобы коснуться его щеки. Он перехватил ее запястье раньше, чем она успела это сделать.

- Я знаю, какая ты на самом деле, Габриель, и больше не позволю тебе водить меня за нос.

- Люк...

- Между нами все кончено, - бросил он.

Даже для него самого эти слова показались далекими, как эхо. Будто они выражали чужую ярость, чужую боль.

- Этот брак не должен был состояться. Мне следовало знать, что на свете нет ни одной женщины, которая соответствовала бы всем моим требованиям. Что даже в Ницце я видел не что иное, как искусную подделку. Это спланировал твой отец? Или, может, вы вместе?

Он почувствовал, что ее пульс участился.

- Ницца? - спросила Габриель, пошатнувшись. - Какое отношение имеет мой отец... - Она остановилась, пытаясь разобраться в его гневных словах. - Ты ездил в Ниццу, когда я была там? Прошлой весной?

- Да, я следил за тобой, - бесцеремонно признался Люк. Никаких извинений. Пусть ей будет так же больно, как ему. - Я хотел убедиться, что у тебя нет никаких скелетов в шкафу. Что ты не шляешься по ночам с сомнительными типами. Тогда ты меня не видела, Габриель, и, поверь, больше никогда не увидишь.

Ее лицо резко побледнело, и ему неожиданно захотелось обнять ее, утешить, поцеловать. Он хотел ее даже сейчас...

И ненавидел за это их обоих.

- Ты не можешь говорить это всерьез! - воскликнула она. - Безумие... какое-то недоразумение...

- Я хочу аннулировать наш брак.

Габриель вздрогнула, ее глаза расширились.

- Но ты... Мы... - Похоже, она была так потрясена, что не могла строить фразы. - Мы не...

- Я уже связался со своими юристами, - произнес Люк, испытывая мрачное удовлетворение от того, что каждое его слово действует на нее как пощечина.

Она едва держалась на ногах.

Он по-прежнему касался ее руки, и это напоминало ему о том, как ее пальцы ласкали его тело. Они больше никогда не будут его ласкать. Почему при мысли об этом его боль усилилась?

- Советую тебе сделать то же самое, - добавил он, презрительно усмехаясь. - Разумеется, я подам на тебя в суд за мошенничество.

- Люк... - Габриель с трудом проглотила ком в горле. - Люк, ты не можешь этого сделать.

- Почему? - Он подошел ближе. Их губы разделяло всего несколько дюймов. - Ты бросила меня в день нашей свадьбы. Опозорила на весь мир. Ты не лучше, чем те мерзкие папарацци, с которыми ты якшаешься. Не сомневаюсь, ты все это спланировала вместе с ними, чтобы уничтожить меня. - Вспомнив, что он все еще держит ее руку, он резко отпустил ее, и она безвольно упала. - Ты ничего для меня не значишь.

- Но... но... я люблю тебя!

Едва Габриель это произнесла, как ее ладонь взметнулась вверх и прижалась к губам, словно она хотела взять назад свои слова. Ее дыхание стало прерывистым. Глаза потемнели и заблестели от эмоций, но Люк хотел большего. Хотел, чтобы она отрицала, что имела дело с Сильвио. Что предала его. Одновременно с этим он хотел, чтобы ей было больно. Чтобы она тоже чувствовала внутри себя пустоту.

- Прощу прощения, Габриель? - Он сделал так, чтобы ее имя прозвучало как удар хлыста по нежной плоти, - Как ты сказала?

Она удивила его. Ее руки сжались в кулаки и опустились вниз. Она была одета во все

белоснежное. Единственной вспышкой цвета были ее яркие глаза. В вырезе ее топа виднелись тонкие ключицы. Его возмущало, что она так красива, так величественна даже сейчас.

- Я сказала, что люблю тебя. - Ее голос дрожал, но голова была высоко поднята. Она смотрела прямо в его глаза. - И это правда.

- Ты меня любишь?

Она как будто говорила с ним на языке, которого он не знал. Он сказал слово «любишь» так, словно это какое-то заболевание и он мог заразиться, произнеся его вслух. Внутри у него словно что-то сломалось, но он не мог позволить ее словам повлиять на него.

Наклонив голову, он скептически посмотрел на нее:

- И какой реакции ты ожидала в ответ на свое заявление, Габриель?

- Я ничего не ожидала. - Ее губы дрожали. - Это правда. Не больше и не меньше.

Люк произнес грязное итальянское ругательство, и ее щеки покраснели. Затем он положил руки на ее обнаженные плечи и притянул ее к себе. Теперь их разделяло всего несколько дюймов.

Была ли это любовь или безумие? Или любовь сама по себе была безумием, как он всегда считал, хотя он никогда не чувствовал себя настолько безумным, как сейчас? Почему ему хотелось сорвать с нее одежду и коснуться ее обнаженного тела. «Это всего лишь секс», - отчаянно сказал он себе.

- Ты просто любишь то, что я делаю с твоим телом, - отрезал он. - Это вожделение, а вовсе не любовь.

- Я не могу тебе запретить так думать, - еле слышно прошептала Габриель. - Но я люблю тебя. Несмотря ни на что.

- Я тронут, Габриель, но меня почему-то не впечатлило твое смелое заявление, - грубо бросил Люк, вцепившись в ее мягкую кожу. Затем он слегка наклонил ее назад, словно собирался поцеловать. Он ненавидел себя за то, что хотел на самом деле ее поцеловать, слиться с ней воедино в порыве страсти. - Ты можешь объяснить своему отцу, что предала меня, потому что любишь, а я вернул тебя ему назад как бракованный товар.

- Люк...

Наконец-то. Наконец-то по ее щекам потекли слезы. Он ликовал. Ему хотелось засунуть внутрь себя руку и вырвать ту часть, которая по-прежнему хотела ее защитить.

Несмотря на то, что она с ним сделала. Несмотря на то, что с каждой секундой он все больше убеждался - она все спланировала с самого начала.

Несмотря на то, что он видел собственными глазами, как она его предала.

- Я бы никогда не предала тебя! Я тебя люблю! - кричала Габриель.

- Можешь отправляться ко всем чертям со своей любовью, - произнес он тоном, не терпящим возражений. Он не знал, откуда это взялось, но холодность стала его спасением. Она притупила чувства, бушевавшие у него внутри. Он заставил себя ее отпустить, отошел от жены

и сказал, что ему все равно, когда она опустилась на плюшевый ковер. На ее бледной коже розовели отметины, оставленные его пальцами.

Он должен немедленно уйти. Еще немного, и он может передумать.

С этой мыслью Люк направился к двери и ни разу не оглянулся.

Габриель долго не поднималась с ковра. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она наконец осознала, что Люк ушел из ее дома и ее жизни.

Но свыклась она с этим только сейчас, когда после их расставания прошло уже две недели.

Он не отвечал на звонки. В течение суток после его ухода его люди забрали из ее лондонского дома его вещи. Но, несмотря на это, в ее душе еще жила хрупкая надежда, которая умерла после звонка ее отца.

- Можешь возвращаться домой, - прорычал он в трубку. - Из-за своих дурацких выходов ты лишилась мужа. Постарайся сделать так, чтобы из-за них ты не лишилась трона.

Если процесс расторжения их брака уже начался, у нее больше нет причин оставаться в Лондоне. Какая разница, где находиться?

Габриель не осознавала, что находилась в шоковом состоянии, до тех пор, пока не вернулась в Миравакию, в королевский дворец, словно никогда его и не покидала. У нее было такое чувство, словно она находилась в каком-то пузыре под водой, вдали от того, что происходит вокруг нее. Когда по ночам она лежала в постели без сна и горевала о своей потере, то понимала - она прячется от боли и боится позволить себе чувствовать то, что вряд ли сможет пережить.

Габриель пряталась бы так целую вечность, если бы не ее отец.

- Ты оказалась абсолютно бесполезной и погубила свою репутацию. Теперь на тебе вряд ли кто-то захочет жениться, - сказал он ей за завтраком несколько недель спустя. - Боюсь, я не настолько убедителен, чтобы выдать свиное ухо за шелковый кошелек.

Уставившись в свою чашу с мюсли, Габриель поняла две вещи. Во-первых, ее отец не впервые разговаривал с ней подобным тоном, и это были не самые его жестокие оскорбления. Во-вторых, она не обязана все это выслушивать.

Раковина, в которую она пряталась, рассыпалась на части.

Пора положить конец его жестокости и неуважительному отношению к ней. Долг предписывал ей уважать его как короля и как отца, но это не означало, что она обязана терпеть его возмутительное поведение.

Король выдал ее замуж за незнакомца. Люк бросил ее. Разве ей могло стать еще хуже?

Казалось, будто солнце выглянуло из-за туч после долгого ненастья.

Подняв голову, Габриель пристально посмотрела на своего отца. Сейчас она словно видела его впервые. Он, как всегда, был безупречно одет. Светло-каштановые волосы гладко зачесаны назад, красивые черты, как обычно, выражают недовольство.

Она всегда его разочаровывала. Потому что не родилась мальчиком. Потому что не умела читать его мысли, предугадывать его желания. Потому что ее мать умерла, а ему пришлось заботиться о дочери. Потому что этот человек никогда не был доволен.

Вспомнив, как она считала Люка похожим на своего отца, Габриель улыбнулась. Эти двое мужчин абсолютно не похожи друг на друга. В отличие от ее мужа король Джозеф был жадным, мелочным. Он доминировал над остальными только благодаря своему влиятельному положению, Люк – потому что это было дано ему природой.

Но самое главное, рядом с Люком она чувствовала себя свободной. С ним Габриель впервые в жизни стала самой собой. Ей больше не нужно было изображать скромную, сдержанную принцессу. Люку нравилось, когда она не пряталась за маской внешней невозмутимости. Только с ним она позволяла себе быть естественной.

«Только с Люком...»

- Могу я узнать, почему ты улыбаешься? – отрезал король Джозеф, со звоном опустив серебряную вилку на тарелку. – После того как ты опозорила нашу семью и нашу страну, я вряд ли смогу когда-нибудь снова улыбаться.

- Я думала о Люке, – ответила Габриель. Теперь, когда ее защитная раковина сломалась, чувства, которые она до сих пор сдерживала, вырвались наружу.

Она столько лет прожила с опущенной головой и не раскрывая рта, в надежде угодить человеку, которому невозможно угодить. Почему она продолжала действовать так сейчас? Почему отвечала на гнев Люка так, словно это ее отец?

- Нет смысла тратить время на Гарнье, – отрывисто бросил король Джозеф. – Он не хочет иметь с тобой ничего общего.

- Папа, – так же холодно ответила она. – Я была за ним замужем, и мне лучше знать.

В столовой воцарилась напряженная тишина. Габриель старалась не обращать внимания на то, что отец смотрит на нее с возмущением.

- Прошу прощения? – произнес он ледяным тоном.

Прежняя Габриель успокоила бы его, извинилась бы перед ним. Когда он раньше проявлял недовольство, она расстраивалась и лезла из кожи вон, чтобы заслужить его одобрение, которое никогда не проявлялось внешне.

Сегодня ей было все равно. Она устала от тщетных попыток ему угодить. С нее достаточно.

- Мой брак тебя не касается, – спокойно, но твердо сказала Габриель. – Я была бы тебе очень признательна, если бы ты держал свое мнение при себе.

- Да кем ты себя возомнила! – взревел он.

- Я будущая королева Миравакки, – заявила она, поднимаясь из-за стола. – Если ты не уважаешь то, что я твоя дочь и взрослая женщина, уважай хотя бы это.

- Как ты смеешь так со мной разговаривать? – бросил король. – Ты так вела себя с Гарнье? Он поэтому положил конец вашему браку?

- Наш с Люком брак - только наше с ним дело, - мягко ответила Габриель, обнаружив, что совсем не злится на своего отца. Она перестала его бояться. Глядя на него сейчас, она видела лишь ничтожного человека с непомерно завышенным самомнением и необходимостью самоутверждаться за счет других.

Аккуратно положив льняную салфетку на тарелку, Габриель вышла из-за стола. Почему ее брак закончился? Потому что Люк так сказал? Кто дал ему такое право? Даже могущественный Люк Гарнье не в силах разъединить то, что соединил Бог. Она отчетливо помнила брачные клятвы, которые они давали друг другу.

- Куда ты идешь? - спросил ее отец, когда Габриель повернулась и направилась к двери, преисполненная новой решимости.

Она любит Люка. Недели разлуки ничего не изменили. Напротив, они усилили ее чувство к нему, хотя она по-прежнему злилась на него за то, что он так легко от нее отказался. Теперь, по прошествии времени, она понимала - это гнусный папарацци настроил ее мужа против нее. Люк поверил грязной клевете Сильвио и пришел в ярость. Габриель не винила его. Она знала: малейший намек на скандал для Люка - хуже самого страшного кошмара. Очевидно, Сильвио тоже это знал.

Ей пора начинать защищать себя, делать то, что хочется ей, а не другим. Она больше не слабое, безвольное существо, которым была прежде. Она не отпустит Люка без борьбы. Она будет вести себя с ним так, как он вел себя с ней, когда она от него сбежала.

Она будет преследовать его, убеждать в том, что у него нет другого выбора, кроме как вернуться к ней, а затем ляжет с ним в постель.

Теперь, когда у нее был четкий план, она не могла дожидаться встречи с ним.

Глава 17

Погода в Риме стояла жаркая. Проталкиваясь сквозь толпу испанских туристов, фотографировавших фонтан Нептуна в северной части Пьяцца Навона, Люк едва удерживался от того, чтобы не накричать на них, стоящих у него на пути.

Он уже несколько недель был в дурном настроении и не мог притворяться, что не знает причину.

Он оставил Габриель в Лондоне, но воспоминания о ней преследовали его всюду, где бы он ни был. Сначала Люк отправился в Париж, где находился главный офис его компании. Работа стала смыслом его жизни. Она спасла его после смерти его родителей и с тех пор всегда была для него на первом месте. И все же он никак не мог на ней сконцентрироваться. Просматривая контракты, он видел загадочную улыбку Габриель. Сидя на совещаниях, он представлял себе, как они занимаются любовью. Чувствовал тепло ее нежных рук на своей коже и презирал себя за то, что превратился в сентиментального дурака.

Ему казалось, он вот-вот сойдет с ума. Или уже сошел.

Из Парижа он отправился в Рим и поселился в своем пентхаусе в нескольких шагах от Пьяцца Навона. Несмотря на то что в наследство от матери ему досталась вилла у Аппиевой дороги, он всегда предпочитал шум и суету центра города.

Но даже здесь, среди всех этих памятников старины под голубым итальянским небом, ему не

давал покоя образ его жены. Он видел ее лицо в толпе и за каждым углом, слышал ее мелодичный смех в городском шуме, тянулся к ней во сне и просыпался один в отчаянии.

Ни одной женщине прежде не удавалось так его взволновать.

- Я не знаю, когда вернусь, - пробурчал он в трубку, завидуя туристам и местным жителям, которые, в отличие от него, могли наслаждаться погожим днем.

- *Capisco bene*, - спокойно ответил Алессандро. - Я позабочусь о делах в офисе. Люк, можешь оставаться в Риме столько, сколько потребуется.

Его романтический помощник понял, что он пытается залечить сердечные раны. Люк усмехнулся. Разве он мог признаться Алессандро, что Габриель удалось пробить стену, за которой он прятал свои чувства?

- Я вовсе не страдаю из-за неразделенной любви, словно глупый подросток, - отрезал он.

- Конечно нет, - произнес его собеседник.

Сочувственный тон Алессандро привел Люка в ярость, и он, боясь не сдержаться, быстро закончил разговор.

Подойдя к своему дому, Люк нахмурился, увидев между машинами, припаркованными у входа, знакомую фигуру. Эти спутанные кудри и седеющая борода могли принадлежать только одному человеку - Сильвио Доменико.

Тому, кого Люку меньше всего хотелось видеть, особенно в таком настроении.

- А-а, Люк! - насмешливо протянул Сильвио. - Прекрасный день, не так ли? Очень жаль, что вы проводите его в одиночестве.

Говоря это, он одновременно поднял фотоаппарат и сделал несколько снимков. Люк не стал ни отвечать ему, ни менять выражение лица.

- Решили сегодня изображать гордого молчаливого принца? - ухмыльнулся Сильвио. - Никакой брани? Никакого рукоприкладства? Я разочарован.

Люк подошел ближе. Ему хотелось разорвать гнусного типа на куски и скормить бездомным псам, но вместо этого он остановился в нескольких футах от Сильвио и холодно на него посмотрел.

- Я еще не видел подробности своей личной жизни в новостях, - сказал он. - Ты меня разочаровал, Сильвио.

- Это лишь вопрос времени, - заявил папарацци. - Нет ни одного места на земле, где вы могли бы от меня спрятаться. Я слежу за каждым вашим шагом. Несмотря на все ваши деньги и власть, вы не можете меня контролировать.

Люк ожидал, что сейчас его захлестнет привычная волна гнева, но этого не произошло. Он подумал о Габриель. О том, что скандальные фотографии нигде не появились и даже слухов об их существовании не ходило. В прессе вообще не было новых слухов ни о его браке, ни о его жене. Вот тут-то Люка и осенило, что никаких фотографий не существовало. Сильвио все выдумал, а он поверил, что Габриель его предала. Ведь прежде его много раз предавали.

Он вспомнил, как она на него смотрела в вечер их расставания. Ее глаза были такими большими, такими умоляющими.

Я люблю тебя. Эти слова беспрестанно звучали у него в голове.

- Вы язык прикусили? - поддел его Сильвио.

- Какая у тебя скучная и пустая жизнь, Доменико, - спокойно ответил Люк, глядя на Сильвио, как на мерзкого таракана. - Я постараюсь путешествовать по более интересным местам, чтобы внести в нее разнообразие.

Презрительно усмехаясь, Сильвио сделал еще несколько снимков.

- Какой заголовок вам больше нравится? «Мультимиллионер Люк Гарнье, обманутый женой, зализывает сердечные раны»? - пробормотал он. - Или, может, «Гарнье, преданный женой, ищет забвения в римских оргиях»?

Люк поднял бровь.

- До сего момента я даже не подозревал, что ты так мной одержим, - ответил он, удивляясь собственному спокойствию. - Как печально. Вдруг со мной что-нибудь случится? Ты же этого не переживешь.

- Вам не следовало меня бить! - яростно бросил Сильвио. В его тоне слышалась многолетняя обида.

- А тебе не следовало лезть ко мне с камерой в минуту личного горя, - спокойно сказал Люк. - И тем более называть мою мать шлюхой.

- Говорят, мужчины выбирают себе в жены женщин, похожих на их матерей. - Сильвио улыбнулся, обнажив желтые зубы.

Первой мыслью Люка было захватить его кулаком по лицу, но потом он лишь улыбнулся про себя. «Я не такая, как твоя мать», - сказала Габриель. И теперь он был абсолютно уверен, что это действительно так.

- Ты называешь мою жену шлюхой? - мягко спросил он.

Он даже не мог злиться на Сильвио, поскольку это был полный абсурд. Разумеется, Габриель была невинной. Люк был единственным мужчиной, который к ней прикасался. Он даже учил ее целоваться.

- Принцесса? Полагаю, нет, - ответил папарацци. - Но она так испугалась, когда я ей сказал, что у меня есть запись вашей близости с Розалиндой... Даже заплатила мне десять тысяч фунтов, чтобы ее уничтожить. - Он рассмеялся. - Будь у меня действительно такое сокровище, разве я продал бы его за гроши?

Люк задумчиво посмотрел на Сильвио. Как он мог его винить? Он сам был виноват в том, что под влиянием своих страхов сделал неправильные выводы. Габриель не хотела причинить ему вред. Она отличалась от всех, кого он знал. Между ней и омерзительным типом, стоящим перед ним, не было ничего общего.

- Это твоя месть? - спросил он папарацци.

- Я не нуждаюсь в мести, - усмехнулся тот. - У меня есть десять тысяч фунтов. Вы снова меня ударите? Сломаете мне нос? Интересно, сколько денег я в таком случае смог бы у вас потребовать в суде в качестве компенсации за нанесенный мне ущерб? Знаете, денег никогда не бывает достаточно.

Люк рассмеялся.

- У тебя не будет повода подавать на меня в суд, - сказал он, затем обошел Сильвио и направился к подъезду. - Непременно напиши о нашей сегодняшней встрече. Выстави себя идиотом перед всей Европой. Желаю тебе удачи, - бросил он через плечо.

Сильвио пробормотал ему вслед ругательство, но Люк не стал останавливаться. Ему было все равно. После многолетних преследований Сильвио наконец перестал для него существовать.

Сейчас его больше интересовало то, что он назвал Габриель «моя жена». Никакого прошедшего времени.

* * *

Она прибыла в Рим, полная воспоминаний.

Сейчас это была уже не та Габриель, которая сбежала из Миравакии в Рим в день собственной свадьбы.

Как столько всего могло измениться за такое короткое время? Сейчас Габриель была настроена до последнего сражаться за мужчину, от которого тогда сбежала. Любовь к Люку горела внутри нее ярким пламенем, хотя она все еще злилась на него за то, как он с ней обращался в день их расставания. Как она могла так сильно измениться?

Габриель едва узнавала себя.

Рим был таким же, как прежде. Он встретил ее привычным шумом и суетой. Она любила этот древний город под лазурным средиземноморским небом.

Ей не составило труда узнать, куда отправился Люк. Он говорил ей, что предпочитает Рим другим городам и ездит туда, когда хочет побыть наедине с самим собой.

Его помощник Алессандро сказал ей, что его нет в Париже, и Габриель жадно за это уцепилась. Определенно, если бы она ничего для него не значила, Люк не заметил бы ее отсутствие и как ни в чем не бывало вернулся бы к работе.

Но тот факт, что его не было в парижском офисе, вселил в нее оптимизм. Он напомнил ей о том, что сказал ей Люк во время их путешествия по калифорнийскому побережью.

Они неспешно брели по извилистой тропинке в скалах в Биг-Сур, любуясь огромными деревьями и изрезанной береговой линией, о которую с грохотом бились волны Тихого океана.

- Я предпочитаю Рим другим городам, - сказал Люк. - Там я чувствую себя дома.

- В таком случае почему ты не едешь туда чаще? - спросила Габриель, услышав в его голосе грусть.

- Мой офис находится в Париже. - Он пожал плечами и слегка нахмурился, словно не понял ее вопроса. Словно в жизни не было ничего важнее работы.

Тогда она спросила себя: почему внутри него такой разлом? Почему работа и дом находятся по разные стороны этого разлома? Ей захотелось как-нибудь его утешить, хотя она чувствовала – ему это не понравится. Сейчас она задавалась вопросом: почему тогда ей не пришло в голову, что он работал как проклятый, поскольку ничего другого не знал? Он даже не знал, что нуждается в поддержке.

Она посмотрела на безымянный палец левой руки, на котором было два кольца. Бриллиант, играющий на солнце всеми цветами радуги, напомнил ей о том вечере, когда Люк его ей подарил. Тогда он держался довольно отстраненно, но она все равно почувствовала его уязвимость. Даже у таких сильных мужчин, как Люк Гарнье, есть уязвимые места. Может, в тот вечер он понял, что она ему небезразлична, но не сумел это выразить?

Разумеется, он не мог ей доверять. Потому что он вообще никому не мог доверять. Потому что рядом с ним никогда не было надежного человека.

Его родители были так заняты выяснением отношений, что забывали о его существовании. Они погибли, когда Люк был еще так молод. Он никогда никого к себе близко не подпускал. У него были все основания ей не доверять, когда Сильвио оклеветал ее перед ним. Ее нисколько не удивляло, что Люк почувствовал себя преданным. Месяц любви не мог перечеркнуть целую жизнь, полную недоверия и подозрений.

Это лишь придало Габриель больше решимости. Она будет его любить вне зависимости от того, примет он ее назад или нет. Она не остановится только потому, что в тот злополучный день в Лондоне он выместил на ней свой гнев. Она так сильно его любила, что не собиралась отступать, какой бы трудной ни была борьба. Она готова пойти на все, чтобы достучаться до той ранимой части, которая пряталась глубоко внутри него. Когда это произойдет, он оба освободятся от груза прошлого.

Стоя на террасе своего пентхауса, Люк смотрел на крыши Рима. Он никогда не приводил женщин в это место, которое считал своим домом, и поначалу не собирался приводить сюда Габриель, даже несмотря на то, что она была его женой.

Однако сейчас он беспрестанно думал о ней.

«Габриель понравилось бы наблюдать за тем, как солнце встает над городом, окутывая купола и шпили оранжевым и золотистым светом».

Я люблю тебя.

Он назвал ее «моя жена», а не «моя бывшая жена». В день их расставания он потребовал, чтобы его юристы составили необходимые документы, но с тех пор не отвечал на их звонки. Сегодня он узнал то, что ему следовало знать с самого начала: Габриель его не предавала. Сильвио оклеветал Габриель, настроил его против нее, а он поверил ему, потому что был слеп. Неужели какая-то его часть хотела считать Габриель способной на такое предательство? Неужели он хотел, чтобы она оказалась такой же, как его мать? Чтобы его самые жуткие страхи подтвердились?

Люк не знал, как со всем этим быть. Он, человек, известный своей решительностью, своей смелостью.

Поставив бокал с вином на столик, мужчина подошел к перилам и стал вспоминать о том, как раньше на этом же самом месте думал о том, как победить своих конкурентов, приумножить

свои капиталы и уничтожить врагов. И ему все удалось.

Единственное, о чем он мог думать сейчас, – это об округлых бедрах Габриель, о ее довольных столах, когда он возносил ее к вершинам блаженства. О ее безупречной элегантно обложке, за которой пряталась страстная натура. Он был одержим ею. Даже Рим казался без нее пустым. Люк заставил себя признать поражение. Это было для него совершенно новым опытом.

Кажется, он не в состоянии без нее жить. Может, он уже подозревал это в Лондоне? Может, поэтому так быстро от нее ушел? Потому что она разрушила его пустую безрадостную жизнь, которую он так долго строил?

Нахмурившись, Люк пошел назад в квартиру, чтобы как следует обдумать эту новую информацию. Раз он не в состоянии жить без Габриель, значит, он должен ее вернуть.

Он повернулся, услышав, как открылись двери лифта в его частном фойе.

- Мне так жаль, мистер Гарнье, – сказал портье. – Я знаю, вы распорядились, чтобы мы докладывали обо всех посетителях, но...

- Привет, Люк, – спокойно произнесла Габриель, выходя из кабины лифта.

Она была великолепна в синем костюме, который ему захотелось с нее сорвать, чтобы овладеть ею прямо здесь, на мраморном полу.

- Габриель. – Он смаковал каждый звук ее имени.

Может, это он ее вызвал силой мысли и она появилась перед ним как фея из детской сказки?

После встречи с Сильвио он принял душ, чтобы избавиться от негативной энергии. Он надел брюки и рубашку, но не стал ее застегивать. Судя по тому, как взгляд Габриель скользнул по его животу, он поступил правильно.

- Похоже, тебе так не терпелось сбежать, что ты кое-что забыл, – спокойно сказала она, подходя к нему.

Люк сделал знак портье, и двери лифта закрылись.

Он вспомнил свои слова, произнесенные другим тоном в другой стране, и его губы изогнулись в улыбке.

- Да? – мягко спросил он, любясь ею. – И что же я забыл?

Габриель вызывающе вскинула подбородок. Сейчас она выглядела более смелой, уверенной в себе. Смотрела ему прямо в глаза. Не боялась его.

Она была неподражаема.

- Свою жену.

Глава 18

Остановившись всего в нескольких дюймах от Люка, Габриель произнесла:

- Я люблю тебя. Даже несмотря на то, что в Лондоне ты разбил мне сердце. Я люблю тебя и отказываюсь мириться с тем, что между нами все кончено.

- Кажется, у тебя выросли коготки, - промурлыкал Люк. - Вижу, мое отсутствие пошло тебе на пользу.

Габриель не могла разобрать выражение его лица. В том, как он на нее смотрел, было что-то новое, не холод и не злость. Надежда, которую ей подарил его взгляд, только усилила ее решимость.

- Нет, оно мне не подошло. - Она уперлась руками в бока. - Ты вел себя как последний кретин.

Его губы искривились в улыбке.

- Я думал, ты продала Сильвио фотографии компрометирующего характера, сделанные во время нашего медового месяца.

«Он говорит слишком мягко, - подумала Габриель, - и не спорит с тем, что в день нашего расставания ужасно себя вел».

- Я заплатила ему, чтобы он не опубликовал запись, на которой были вы с Розалиндой... - Габриель нахмурилась, когда до нее дошел смысл его слов. - Наши с тобой фотографии?

- Вижу, ты ошеломлена.

- Разумеется, я ошеломлена! - возмутилась Габриель. - Как ты мог в такое поверить? Я бы не стала никому продавать фотографии. Я кронпринцесса Миравакии, а не какая-нибудь второсортная старлетка!

- Я знаю, - ответил Люк.

Его глаза потемнели.

- Очевидно, не знаешь.

Он наклонил голову, и она пристально на него уставилась. Воздух между ними раскалился и начал потрескивать от напряжения. Щеки Габриель вспыхнули, и ей показалось, что комната стала вращаться. Все, что она видела, - это серые глаза Люка.

- Я точно знаю, кто ты, - произнес он низким голосом, который отозвался эхом у нее в груди и внизу живота. - Ты преследуешь меня.

Он походил на воина, ангела мести. Его лицо выражало решимость. Оно было прекраснее всего, что когда-либо видела Габриель.

- Я знаю твой голос, я не могу от него убежать. Знаю твои прикосновения и мечтаю о них. Я знаю твой запах, твой вкус, твою походку. - Его голос превратился в шепот страсти, однако он по-прежнему держался на расстоянии.

- В тот вечер ты говорил со мной только о лживых обвинениях, - сказала она, глядя на его опасный рот. У нее перехватило дыхание.

- Я не мог, - ответил Люк. Его глаза неистово блестели. - Не знал как. А он, кажется, знал, как нужно манипулировать нами обоими.

Если такое возможно, Габриель еще больше полюбила его за это признание. Она чувствовала – в нем произошли перемены, но пока даже мечтать боялась о том, что они могли ей дать. Люк стоял перед ней, похожий на античную статую. Его мускулистый торс блестел, темные волосы были мокрыми, глаза – темными как ночь, а беспощадный рот скривился в сардонической ухмылке.

- Зачем ты сюда приехала? – спросил Люк с едва скрываемой усмешкой, словно уже знал ответ. – Ты меня преследуешь?

- Я не позволю тебе аннулировать наш брак, – заявила Габриель, гордо поднимая подбородок.

- Почему? – спросил он, подойдя ближе. Теперь их губы разделяла всего пара дюймов. Его взгляд пронзал ее насквозь.

- Потому что я люблю тебя, – мягко ответила она. – Разве тут могут быть еще какие-то причины?

- Значит, любишь, – еле слышно прошептал он. – Почему?

- Ты сделал меня непригодной для других мужчин, – дерзко произнесла она, слегка откинув назад голову, но по-прежнему не осмеливаясь к нему прикоснуться.

- Ты это проверяла? – произнес он циничным тоном, но его глаза весело блестели.

- А если да? – спросила Габриель, дразня его. Она не знала, откуда у нее взялась эта смелость, но была уверена: если Люк к ней вернется, ей все будет нипочем.

- Габриель, – хрипло произнес он, запустив пальцы в ее густые волосы и обхватив ее затылок. – Ты меня погубишь.

- Ты меня любишь, – просто сказала девушка. Она была уверена в этом так же, как в собственных чувствах к нему.

Пространство между ними снова наэлектризовалось. Она обвила руками шею Люка и прижалась к нему грудью. Он застонал.

- Да, черт побери, – произнес он низким голосом. При этом глаза его приобрели цвет расплавленного серебра. – Люблю.

Наконец его рот накрыл ее губы, и она предалась волшебным ощущениям, по которым так соскучилась. Он долго ее целовал, словно никак не мог ею насытиться. Это была одновременно и мольба о прощении, и приветствие после долгой разлуки. Они были настолько едины, что Габриель не знала, где заканчивалась она и начинался Люк.

Он слегка наклонился и, не переставая целовать, приподнял ее. Габриель краем глаза заметила, что он несет ее в элегантно обставленную гостиную. Там он аккуратно положил ее на восточный ковер перед камином, затем опустился рядом.

Застонав, Габриель забыла о комнате. Ей было все равно, где они находятся. Главное было то, что она наконец-то могла к нему прикоснуться. Его руки скользили по ее бедрам, задирая ей юбку, чтобы она могла обхватить его ногами.

Она долго возилась с застежкой на его брюках, и Люк, выругавшись себе под нос, слегка

приподнялся и сам освободился от оков одежды. Не успела она полюбоваться восставшим символом его мужского естества, как он стремительно ворвался в нее, а все остальное перестало для нее существовать.

Очень скоро Габриель задрожала в экстазе. Чувствуя на губах ее пьянящий вкус, вдыхая головокружительный аромат ее волос, Люк выкрикнул ее имя и последовал за ней.

Придя в себя, Люк понял, что это не волшебство. Это любовь.

Неудивительно, что он отказался от нее, цеплялся за любой предлог, лишь бы от нее убежать.

- Все мои представления о любви извращены, - сказал он Габриель, когда ее глаза распахнулись. Кончики его пальцев выписывали узоры на ее гладком бедре. - Я всегда думал, что любовь - это болезнь, помешательство.

- Нет, - прошептала она, спокойно глядя на него своими глазами цвета морской волны.

- Я в нее не верю. - Люк поцеловал ее в лоб, в кончик носа, в щеку. - Я не знаю, как в нее верить.

- Это должно происходить не в голове, а в сердце. - Габриель прижала свою изящную хрупкую ладонь к его груди, и он почувствовал, что от этого прикосновения его сердце забилось чаще. - Я провела всю свою жизнь, любя человека, который был не способен любить меня в ответ, - сказала она. - Думаю, любовь - это способность ощущать себя свободным. Не прятаться, не бояться и быть единым целым с другим человеком.

Его жена просто чудо. Люка захлестнула мощная волна эмоций, и он понял - Габриель права. Он любит ее.

Вопреки всем фактам и доводам разума он был безумно в нее влюблен. Но самое удивительное, что его больше не волновала потеря собственной объективности.

- Я люблю тебя, - неистово произнес он, пробуя на вкус заветные слова. При этом он почувствовал, как снова затвердел внутри нее. - И я не думаю, что мои чувства когда-нибудь пройдут, а значит, тебе больше от меня не убежать.

- Хорошо, - прошептала она и ритмично задвигала бедрами.

* * *

«Отныне так будет всегда», - подумала Габриель некоторое время спустя. Она стояла на балконе в одной рубашке Люка, любуясь огнями ночного Рима. Муж обнимал ее сзади за плечи.

В их браке не будет места скуке. Возможно, поначалу им будет непросто, но они научатся друг другу уступать. Главное, что они доверяют друг другу и их связывают глубокие чувства.

- Я верну деньги, которые ты заплатила этому ничтожеству за несуществующую запись, - неожиданно пообещал ей Люк. - Не позволю ему обогащаться за счет моей жены. Он отдаст мне все десять тысяч до последнего пенни.

- Мне все равно, - пробормотала Габриель, прижимаясь затылком к его груди. - Я уничтожила запись не глядя.

- А мне не все равно. - В голосе Люка слышались стальные нотки. - Это дело принципа. Несомненно, он может превратить это в серию новых историй, но это для меня не имеет значения. Пусть делает что хочет. Но обещаю, я верну тебе деньги, которые он выманил у тебя обманным путем.

Габриель улыбнулась. Если его больше не волнует желтая пресса, значит, все действительно изменилось. Ее надежды оправдались. У них все получится.

- Ну, раз ты этого хочешь, - уступила она.

- Как ты можешь любить человека вроде меня? - произнес Люк обманчиво легким тоном. Повернувшись, Габриель обнаружила, что его серые глаза серьезно смотрят на нее. - Того, кто оскорблял, преследовал тебя, сомневался в тебе, обвинял тебя во всех грехах?

Повернувшись в его объятиях, она прижала ладонь к его щеке. Между ними снова проскочила искра желаний, словно они только что не занимались любовью.

Она всегда будет любить этого мужчину.

- Смотри, чтобы это больше не повторилось, Люк, - произнесла она с мягкой улыбкой.

Что-то пробормотав в ответ, он накрыл ее губы своими, затем подхватил на руки и отнес в спальню, где они продолжили любить друг друга.